

Религиозная организация –
духовная образовательная организация высшего образования
«Владимирская Свято-Феофановская Духовная семинария
города Владимира Владимирской Епархии Русской Православной Церкви»

Кафедра церковно-исторических церковно-практических дисциплин

СИСТЕМА ЦЕРКОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ РУБЕЖА XIX-XX ВВ.
НА ПРИМЕРЕ ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ

Выпускная квалификационная работа
студента IV курса бакалавриата ВДС
Егоровского Константина Викторовича

Работа завершена:

«_____» _____ 2023 г. _____ (Егоровский К.В., чтец)

Работа допущена к защите:

Научный руководитель

«_____» _____ 2023 г. _____ (иеромонах Андрей (Горюнов))

Заведующий кафедрой

«_____» _____ 2023 г. _____ (к.и.н. Макарова Д.Ю.)

Проректор по научно-богословской работе

«_____» _____ 2023 г. _____ (к.ю.н. Абрамов А.Е.)

Владимир 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. ЦЕРКОВНО-СУДЕБНАЯ СИСТЕМА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ, ЕЁ ФОРМИРОВАНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ.	
1.1. История взаимоотношений духовной и светской власти по вопросам судопроизводства.....	14
1.2. Эволюция системы административных и церковно-судебных епархиальных структур, сложившихся в России в синодальный период..	26
ГЛАВА II. ЦЕРКОВНЫЙ СУД ВО ВЛАДИМИРСКОЙ ЕПАРХИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА.	
2.1 Владимирская епархия второй половины XIX- начала XX вв. в системе государственно-церковных отношений.....	38
2.2. Особенности церковно-судебной практики по делам духовных и светских лиц во Владимирской епархии второй половины XIX – начала XX века, основные проблемы.....	46
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	62
СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	65

ВВЕДЕНИЕ

История России пореформенного периода (вторая половина XIX – начала XX вв.) – это время глубоких социальных и экономических преобразований, ход которых желает отследить множество ученых самого разного толка. Процессы, происходившие в стране, затрагивали почти все сферы жизни общества, не стала исключением и правовая сфера, о которой пойдет речь в настоящей работе. Судопроизводство будет рассмотрено нами в духовно-религиозном контексте, если говорить проще – мы будем иметь дело с церковными судами. По словам одного из самых серьезных исследователей церковной истории В.В. Цыпина: «Судебные органы Русской православной церкви в это время представляли собой уникальное образование, как по своей структуре, так и по кругу рассматриваемых вопросов. Являясь, фактически, частью имперской системы правосудия, они, тем не менее, выполняли принципиально иные функции, нежели государственные органы».

Такая уникальность и является основой актуальности темы настоящего исследования. Рассматривая специфику государственно-церковных отношений, мы можем взглянуть на юрисдикцию судов, относящихся к ведению Церкви под разным углом. Интересно, что современное состояние церкви и всех церковных институтов, в том числе и судебного (с некоторых пор утратившего свою серьезность) может быть взято за основу и, будучи наложено на исследование о состоянии церковного суда в прошлом – пересмотрено и трансформировано к лучшему. Хочется добавить, что в 2000 году Юбилейный Архиерейский Собор утвердит Устав Русской Православной Церкви и в этом документе отдельной главой выступает объяснение что же такое церковный суд и как он функционирует. Сразу после этого в церковном и правовом поле началась полемика – а стоит ли возрождать такое явление и вновь вводить его в систему отношений государство-общество, церковь-общество. В вопросе этом всё очень

неоднозначно, одно понятно точно – чем доскональнее получится изучить церковно-судебную систему прошлого, тем больше ответов мы получим при решении современных вопросов. В этом свете особую роль приобретают местные, краеведческие исследования, при которых избранная тема рассматривается будто под лупой, с применением очень частного и во всех отношениях интересного материала. На наш взгляд это говорит о том, что у выбранной темы есть научный потенциал и её можно развивать и далее, ведь на Владимирской земле данный вопрос исследован недостаточно

Объект исследования – церковно-судебная система в масштабах всей страны и в масштабах отдельно-взятого региона с середины XIX (поререформенный период) до начала XX вв.

Предмет исследования – практическая деятельность церковно-судебных органов Владимирской епархии со второй половины XIX до начала XX века.

Территориальные рамки включают в себя территорию российской империи, однако, во второй главе работы рамки сужаются до территории Владимирской епархии в ее границах, принятых в 18 веке и сохраняющихся до революции. Именно используя региональную географию, мы попытаемся проследить эволюцию и интересные особенности церковного судопроизводства. Отметим так же, что территория Владимирской епархии входит в Центральный регион России, являясь типичной, а значит выводы, сделанные по её развитию с известной долей допущения и проверки можно будет переносить и на соседние епархии (губернии).

Хронологические рамки работы. Нижняя граница исследования определяется 1860-ми гг. XIX века, когда в государстве происходит реформирование почти всех сторон общественной жизни, не исключая и духовную. Верхняя граница научных изысканий по данной теме выбрана нами исходя из исторических событий 1917 года в России. Ведь в это время отношение государства к церкви начинает кардинально меняться, а церковно-судебная система и вовсе прекратила свое существование.

Исследовательница церковной истории Е.В. Белякова пишет: «В пореформенный период, вплоть до революции 1917 года можно проследить изменение статуса самой Церкви, которая к середине XIX века стала значимым органом в системе государственного управления, а к 1918 году в силу изменения формы государственного управления трансформировалась в самостоятельное образование, впоследствии даже преследуемое государственной властью»¹.

В данной работе был использован целый комплекс различных общенаучных и частных методов исследования, таких как:

- культурно-исторический метод;
- метод научной индукции;
- хронологическо-проблемный метод;
- сравнительно-исторический метод;
- нарративный (описательно-повествовательный) метод;

Цель исследования – проанализировать систему духовных судов Российской империи второй половины XIX – начала XX века через её рассмотрение в региональном масштабе Владимирской губернии.

Цель исследования определила постановку и необходимость решения следующих задач:

- Рассмотреть общероссийскую систему управления, юрисдикционное поле, особенности церковно-судебной системы, имеющие место в российской действительности в последние 50 лет перед революцией.
- Дать характеристику этой системы конкретно для территории Владимирской епархии в заявленный хронологический промежуток.
- Выяснить особенности церковно-судебной практики по делам духовных и светских лиц во Владимирской епархии второй половины XIX – начала XX века,

¹Белякова Е.В. Церковный суд и проблемы церковной жизни. Поместный собор 1917-1918 гг. и предсоборный период. Серия: Церковные реформы / Е.В. Белякова. – М.: Культурный центр «Духовная Библиотека», 2004. – С. 27.

- Выявить основные проблемы в развитии церковно-судебных органов Владимирской епархии;

- Охарактеризовать специфику судебного делопроизводства и осветить основной круг дел, рассматриваемых в рамках отдельно-взятого региона.

Историографию по теме можно условно разделить на три группы: в первую войдет дореволюционная литература, во вторую – советская и, наконец, третья – современные работы. Так же сразу оговоримся, что специфика темы, затрагивающей и историческое и правовое поле делает выборку историографии весьма обширной и многоплановой.

Итак, уже с середины XIX века, во время проведения «великих реформ» и спустя некоторое время после, появляется целый спектр работ, характеризующих церковные суды и систему отношений государство-церковь в целом. Научное сообщество активно вводит в оборот новые источники по теме, полемизирует об исторических путях развития церкви в нашей стране. Первой работой, которую мы отметив в историографическом обзоре будет книга А. Шагуны¹, который берет за основу взаимодействие церковного права и догматики и этим обосновывает церковное судоустройство. И. К. Смирнов² в своем труде сосредотачивает внимание на древнейших институтах церковного суда, делая упор на включенность или не включенность в его работу государственных деятелей или структур именно в древней Руси. М.П. Альбов³ особо выделяет синодальный период и с привлечением множества источников изучает Духовный Регламент и Устав Консисторий.

¹Краткое изложение канонического права единой святой соборной и апостольской церкви / Андреи(Шагуна), – СПб.-Типография Департамента уделов, 1872.

²Смирнов И.К. О церковном судоустройстве в древней России – М: Типография И. И. Глазунова, 1874. .

³Альбов М.П. Краткий курс лекций по церковному праву – СПб., 1882.

Обязательно упомянуть многотомное исследование «История русской церкви» Е.Е. Голубинского¹, где вопросы церковных судов рассматриваются довольно подробно применительно к каждому историческому периоду, последовательно и четко, позволяя нам буквально проследить эволюцию этой системы. Свою современность, окружающую действительность изучали И.С. Бердников². Я. Бартев³, М.Е. Красножен⁴. Они писали работы по истории церковных судов пореформенного времени. Жизни и деятельности прихода, местечковым особенностям церковного судопроизводства, а так же темам, которые возникают в конкретных общинах и требуют судебного вмешательства, посвящен труд публициста Н.В.Елагина⁵. Для настоящей работы это исследование весьма ценно.

Если продолжать речь сугубо о церковно-правовой теме, есть ещё монографии Н.С. Суворова⁶ и В.Ф. Кипарисова⁷, авторы придерживаются весьма схожих взглядов и приветствуют развитие системы церковных судов, но без вмешательства государства, а дела Церкви. Отдельные аспекты, которые нас интересуют, освещаются в работе В.Г. Певцова⁸, который одним из первых весьма резко высказался о способах функционирования церковных судов, их разделенностью с народом.

Учитывая, что большая часть работы посвящена именно владимирскому региону, нужно упомянуть и местных краеведов-историков, сосредоточивших внимание на губернии и епархии. Первые работы

¹ История русской церкви/ [соч.] Е. Голубинского ; напечатанное Императорским обществом истории и древностей российских при Московском университете . – Москва : Унив. тип. , 1901-1906 .

²Бердников И.С. К вопросу о реформе епархиального управления и суда / И.С. Бердников. – КазаньЦентральная типография, 1906.

³Бартев Я. Мнение по вопросу о духовно-судебной реформе / Я. Бартев. – СПб.: Типолиитография Университета, 1894.

⁴Красножен М.Е. Церковное право (издание 2-е, исправленное и дополненное) / М Е Красножен. – Юрьев Типография К. Маттисена, 1907.

⁵Елагин Н.В. Белое духовенство него интересы /Н.В. Елагин. -СПб., 1881.

⁶Суворов Н.С. Объём дисциплинарного суда и юрисдикции Церкви в период Вселенских Соборов 2-е исправленное издание/Н.С. Суворов. – М . : Печатня А.И. Снегиревой, 1908.

⁷Кипарисов В.Ф. О церковной дисциплине / В.Ф. Кипарисов. – Сергиев Посад, 1897.

⁸Певцов В.Г. Лекци по церковному праву / В.Г. Певцовъ. – СПб.: Типография С.Петербургской одиночной тюрьмы, 1914.

появляются из под пера иеромонаха Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря Иоасафа (Гапонова). Однажды он наткнулся на интересные материалы по выбранной теме и так вовлекся в поиск новых фактов, что продолжил копать в этой теме, выпустив огромное множество статей в Епархиальных ведомостях, оставив записки и черновики исследований¹.

Особую важность приобретают труды К. Н. Тихонравова, работника и главного секретаря местного Владимирского стат. комитета. Невозможно представить, но факт – из под его пера вышло более 700 статей в разных епархиальных изданиях, в народе и среди коллег он даже получил прозвище «Владимирский Нестор-летописец». Обычно его работы выходили в Губернских или церковных ведомостях, редактором которых он являлся более 15 лет. Достаточно глубоко история Владимирского края раскрыта в работах Н. В. Малицкого², а так же известного земского деятеля А. В. Смирнова³. Их работы являются просто кладезем знаний о местной церковной истории, находим мы в них и упоминания о том, как была устроена

Особым событием для историографии по истории Владимирского края стало создание в 1898 г. Владимирской ученой архивной комиссии (ВУАК). Руководителем этого проекта выступил А. В. Смирнов. Просуществовала комиссия в течении 20 лет, упразднена была только в 1918 году, а за это время было издано 18 полноценных томов и велась постоянная подготовка новых статей. «Труды Владимирской ученой архивной комиссии»⁴ является

¹ Иеромонах Иоасаф. Церковно-историческое и статистическое описание Владимирской епархии. Владимир, 1853; Он же. Церковно-историческое описание Владимирских достопамятностей. Владимир, 1857

² Малицкий Н. В. Из прошлого Владимирской епархии. ВГВ. Вып. 1-3. Владимир, 1904-1912;

³ Смирнов А. В. Уроженцы и деятели Владимирской губернии. Т.1-5. Владимир, 1896-1898, 1910, 1917

⁴ Например: Георгиевский В. Т. Дело «о проявившихся вновь Владимирской епархии во Флорищевой пустыни мощах и чудесах» // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Кн.Х. Владимир, 1908. С. 1-32; Добронравов В. Г. Из истории молоканства во Владимирской епархии // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Кн.1. Владимир, 1899. С.31-48;

кладезем материалов по разным историческим аспектам, в том числе и по церковному.

Важную роль в настоящем исследовании и вообще в изучении краеведческой темы являются различные местные статистические справочники, это может быть описание губернии, демографические отчеты, различные реестры и набор численных показателей по отраслям промышленности, общественной и духовной жизни жителей¹. Важным источником являются так же т.н. биографические указатели, в которых содержались сведения о местных деятелях государственной службы, церковных иерархах и проч².

Когда речь заходит об исследованиях советского периода, нужно понимать, что все они, особенно касающиеся церковной истории проходили жесткую цензуру, а значит – обладали серьёзной степенью политической ангажированности. Так, чрезмерно системными и идеологизированными были работы Е.Ф. Грекулова³, Г. Рыбкина⁴, Б.В. Титлинова⁵. Эти работы максимально идеологически ангажированы, церковь там выступает лишь как «служанка самодержавия». Однако, именно благодаря этим авторам не случилось провала в истории церкви, а теперь мы ещё и имеем возможность взглянуть на происходящее с разных сторон и развивать све умение абстрагироваться и искать суть, сведения, полезные для нас. Такие историки, как Б.П. Кандидов⁶, Н. Ростов⁷, С. Худяков¹ так же отмечали серьёзное

¹ Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Вып.1-5. Владимир, 1893-1898.

² Список чинам, состоящим на службе по Владимирской губернии на 1854 г. Владимир, 1854; Малицкий Н. В. Списки воспитанников Владимирской духовной семинарии. М., 1902; Трегубов М. И. Алфавитный список дворянских родов Владимирской губернии. Владимир, 1905. С. 161.

³ Грекулов Е.Ф. Русская Церковь в роли помещика и капиталиста / Е.Ф. Грекулов. – М., 1930.

⁴ Рыбкин Г. Православие на службе самодержавия в России / Г. Рыбкин – М.: Наука, 1930.

⁵ Титлинов Б. Православие на службе самодержавия / Б. Титлинов. – Петроград, 1924.

⁶ Кандидов Б.П. Церковный фронт в годы мировой войны / Б.П. Кандидов. – М.: Атеист, типолитография им. Воровского в Пензе, 1929.

⁷ Ростов Н. Духовенство и русская контрреволюция конца династии Романовых / Н. Ростов. – М.: Типография, 1930.

переплетение Церкви и государства, поэтому высказывали большой скепсис и по отношению к церковному судопроизводству. Эти работы носят крайний характер, но тем не менее важны в рамках историографического обзора.

В 60-е годы XX столетия начинает возникать более взвешенный и лояльный к церкви подход, связано это с «оттепелью» и возможностью высказывать все больше точек зрения по различным вопросам. В 1967 году увидела свет работа целого коллектива историков «Церковь в истории России»², где упор сделан на связь Церкви и государства, связь неразрывную, прочную, вечную.

Отдельно хотелось бы сказать про работы П.Н. Зырянова³, потому что именно у него поверх критики церкви и самодержавия, мы видим упоминание о церковных кризисах, анализ проблем, затрагивающих всю систему и судебную систему в частности. Зырянов говорит о кризисе самодержавия и переносит это на кризис церковных структур. Наконец, хочется выделить книгу «Русское православие: вехи»⁴. Это коллективный труд большого количества советских историков, которым до сих пор пользуется множество коллег, оно не теряет своей актуальности спустя годы. В контексте настоящего исследования особенно интересна глава о церковном устройстве XIX века, вышедшая под редакцией Б.Г. Литвака, который выводит кризисное положение Церкви пореформенного период уже на самый первый план, предпочитая развивать полемику о причинах и последствиях этих кризисов, не скатываясь в бесконечную критику старорежимной России.

Уже указанные выше особенности и промахи советской историографии восполнялись зарубежными исследованиями. Российская научная диаспора в эмиграции весьма плотно занималась церковной историей. И.К. Смолич⁵.

¹Худяков С. Церковь во время революции – Петроград, 1924.

²Церковь в истории России. М.: Наука, 1967.

³Зырянов П.Н. Православная Церковь в борьбе с революцией 1905-1907 гг. / П Н Зырянов – М , 1984.

⁴Русское Православие: вехи истории. – М., 1989.

⁵Смолич И.К. История Русской Церкви (1700-1917гг.). Части 1, 2 / И К. Смолич. – М Издательство Спасо-Преображенского Валаамского Монастыря, 1996-1997

С.В. Троицкий¹; Н.Д. Тальберг² выпустили объемные труды, где затрагивается выбранная нами тема и рассматривается она без налета идеологизации. В работах Е.Ф. Грекулова впервые выдвинута гипотеза о церковной инквизиции, все события и судебная практика рассматривается сквозь эту призму³. Исследования А.Д. Шмемана и А.В. Карташева обращают нас к проблемам и особенностям жизни приходского духовенства в рамках церковного законодательства. Рассмотрение частных вопросов наиболее актуально в контексте данной работы.

Среди авторов, которые частично изучают интересующие нас вопросы протоиерей В. Цыпин⁴, Е.В.Белякова⁵, С.Л. Фирсов⁶, М.Б. Смолин⁷, А.И. Яковлев⁸, Н.А. Колоколов⁹ и др. А.Ф. Гавриленков изучает, в основном духовную или сугубо религиозную составляющую судопроизводства в рамках епархий¹⁰. А.В. Апанасенок¹¹ полностью погружен в тему старообрядчества и сектоведения, что так же актуально для Владимирского края. А.В. Штеп¹² в очередной раз обращается к теме приходского служения

¹Троицкий С.В. Христианская философия брака / С.В. Троицкий – Париж, 1933.

²Тальберг Н.Д. История Русской Церкви. Части 1, 2 / Н. Тальберг. – Псков • Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, 1994.

³Грекулов Е.Ф. Православная инквизиция в России. Монография / Е.Ф. Грекулов – М.: Академия наук СССР. Научно-популярная серия. Издательство «Наука», 1964. – 167 с.

⁴Протоиерей Владислав Цыпин. Каноническое право / В. Цыпин – М. Издательство Сретенского монастыря, 2009.

⁵Белякова Е.В. Поместный собор 1917-1918гг. и предсоборный период. Церковный суд и проблемы церковной жизни. Серия Церковные реформы / Е.В. Белякова. – М.. Культурный центр «Духовная Библиотека», 2004.

⁶Фирсов С.Л. Церковь и Империя. Очерк церковной истории эпохи Императора Николая II / С.Л. Фирсов – СПб.: Сатис Держава, 2007.

⁷Смолин М.Б. Энциклопедия имперской традиции русской мысли / М.Б. Смолин. – М.: Имперская традиция, 2005.

⁸Яковлев А. И. Лекции по истории Христианской Церкви. 3-е издание, испр и доп / А И Яковлев. – М Паломник, 2011

⁹История российского правосудия / под ред Н.А Колоколова. – М • ЮНИТИ-ДАНА Закон и право, 2009.

¹⁰Гавриленков А.Ф. Проблемы духовной безопасности Российской Империи в XVIII – начале XX веков // Вестник Военного университета, 2009. №3 (19). С. 148-153 и др.

¹¹Апанасенок А.В. «Закон законом, а истинная вера одна»: из истории становления веротерпимости в провинциальной России начала XX века // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия история России. – 2009. – №1. – С 61-67.

¹²Штепа А.В. Материальное положение православной церкви в российской провинции в XIX – начале XX в. // Преподаватель XXI век, 2010. – № 2 . 4.2. – С. 293-301.

и атмосферы, характерной для церковной общины, он особенно близко рассматривает социальное служение на приходе.

Источники. Первую группу составляют законодательные акты: духовный регламент Петра I, принятый ещё в 1721 году, полное собрание законов Российской Империи, устав 1864 года, трансформировавший всю систему судопроизводства в Империи, тематические – «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями», «Устав о предупреждении и пресечении преступлений», «Устав о ссыльных, регулировавший правовой режим отбытия наказания» и т.д.

Полезным нам показалось и использование различных сборников с подборками документов по церковному ведомству. Это, например, «Сборник церковно-гражданских постановлений в России, относящихся до лиц православного духовенства» под авторством деятеля Н.А. Александрова или «Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по Ведомству Церковного Вероисповедания»¹ Т.В. Барсова.

Всеподданнейшие отчёты Святейшего Синода, публиковавшиеся ежегодно так же являются ценным источником для нас, ведь они в том числе основывались на отчетах епархиальных управляющих, а значит, отражают данные статистики местных духовных консисторий. Важно сказать и о материалах статистики, первый статистический обзор, связанный с церковной тематикой вышел в начале XX века под авторством и редакцией И.В. Преображенского. Во владимирской губернии было так же выпущено статистическое издание коллективного авторства, вышедшее не без активного участия архивной комиссии, упоминавшейся ранее под названием «Историко-статистическое описание Владимирской епархии».

Для более полного понимания темы большое значение представляют документы Государственного архива Владимирской области (ГАВО),

¹ Барсов Т.В. Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по ведомству церковного вероисповедания. СПб., 1885. 542 с.

большинство из них впервые вводятся в научный оборот и представляют несомненный исторический интерес. Работа шла в основном с материалами фонда № 556 (фонд духовной консистории), где собрана переписка духовной и светской администрации, прошения и ответы архиерея по поводу судебных дел, отчеты благочиний и приходов по финансам и духовной стороне деятельности, а так же отдельные аспекты делопроизводства Духовной, клировые ведомости, метрические книги.

Ещё один вид источников – периодическая печать. Информация по интересующей нас теме может содержаться в периодике, в частности в газете «Владимирские губернские ведомости» и «Владимирские епархиальные ведомости». К периодике так же отнесены «Труды Владимирской ученой архивной комиссии».

Мемуарная литература и источники личного происхождения так же использованы нами в работе. Отметим записки чиновника Т.В. Барсова¹, возглавлявшего комитет по делам судного ведомства при синоде, а так же труд архиепископа Виленского Алексия (А.Ф. Лавров-Платонов), его тексты уже по названию подходят в рамки исследования: «Предполагаемая реформа церковного суда» и «Чего желать для нашей Церкви»². Работа архиепископа Саввы (Тихомирова), приходского священника о. Михаила Лаврова и представителей рода Альбицких-Елховских – это материалы местного Владимирского уровня и тоже крайне полезны для данного исследования.

¹Барсов Т В О духовном суде / Т В Барсов//Христианское чтение -1870 – № 9. С 462-510

²Лавров А.Ф. (Архиепископ Алексий). Предполагаемая реформа церковного суда / А.Ф. Лавров. – СПб.: Типография Ф.С. Сущинского, 1873.

ГЛАВА I. ФОРМИРОВАНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЦЕРКОВНО-СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ.

1.1. История взаимодействия духовной и светской власти Российской Империи по вопросам судопроизводства.

Какое бы государственное образование мы не рассматривали – в нем так или иначе будет существовать одновременно светская и религиозная составляющая. На наш взгляд, именно от степени взаимопроникновения, от характера отношений Церковь-власть зависит ход, характер и результат общественного развития. В самом глобальном смысле. По словам В. Цыпина: «Различное соотношение государства и Церкви определяет «лицо» власти, образ его правителя, а следовательно, и общую обстановку в стране, и уровень легитимности государственных институтов, стремящихся к развитию различных сфер общества и т. д»¹.

По-сути, черпая всю информацию, вдохновение и опыт в Византийской империи, российская государственность интегрировала в себя большинство элементов, которые смогла найти там, поэтому образ мышления и действий восточной церкви буквально проник в каждую из сторон общественного бытия. А что касается законодательства, то у Византийской культуры были вполне определенные постулаты: закон, какую бы сферу жизни он не регулировал, опирался на естественное право с одной стороны, но с другой обязательно был частью духовного закона.

И если мы захотим создать некую периодизацию государственно-церковных отношений в конкретной стране, то должны будем учесть одновременно и историю Церкви и историю политическую, совмещая их, как бы накладывая друг на друга как лекало. В данной работе мы попробовали

¹Протоиерей Владислав Цыпин. Курс Церковного права: Учебное пособие. – Клиническое Издательство «Христианская жизнь», 2004. С. 509.

выстроить периодизацию, затрагивающую духовно-судебную систему, опираясь на уже существующие мнения в историографии:

Догосударственный период (VII – IX века). На данном этапе все важнейшие общественные институты находятся на стадии своего формирования. Они проистекают из первоначальных структур родового строя, активно начинает действовать система норм и правил, сложная и разветвленная, появляется потребность в отдельном регулировании каждой из сторон жизни общества. На что же опираются эти появляющиеся институты? В первую очередь на уже существующие нормы «естественного» или обычного права, на своеобразные общественные нормы, возникшие ещё до появления государственности у рассматриваемого народа.

Существует вполне определенная «духовная» верхушка, олицетворяющая власть над непознанным, над миром духов, там руководитель – это волхв, жрец, шаман, знахарь, имеющий трансцендентный опыт общения с непознанным. По сути, все эти фигуры брали на себя идеологическую составляющую жизни общества, они оказывали довольно сильное влияние на внутренний мир, психику племени, являлись источником всей рефлексии по поводу окружающего, мир этот объясняли.

Но есть и политический лидер, в обязанности которого входит защита границ, руководство общественной жизнью, возможно, экономическая составляющая, а это значит, что он оказывает влияние не меньшее. К нему идут за советом, в его войско вступают мужчины, чтобы защитить свои семьи и завоевать ресурсы, он решает споры между жителями своего племени. Не удивительно, что в какой то момент его образ приобретает немного мифологические черты, он как бы встает на одну ступеньку с жрецами, имеющими доступ в непознанные миры.

Здесь имеет место наделение главы государственных (или догосударственных) образований неким сакральным статусом, аналогом божественной власти, избранности. От предводителя зависела жизнь соплеменников, значит он и получал привилегию и обязанность вершить над

ними суд. Мы видим, как уже на этом этапе немного смешивается сакральная духовная власть и власть юрисдикционная, осуществление правосудия, при этом функции управления закрепляются всё глубже. Имеет место соединение светской и духовной власти, обе эти ветви растут и развиваются параллельно, в основу свою закладывая некие мифологические представления (сакральность), являвшиеся основой древних обществ.

Период перехода к единобожию, формирование оси церковь-власть (X – XV века). Ключевым моментом для периодизации здесь является, конечно, принятие христианства, в связи с чем терпит изменение отношение к светской и духовной власти, они перестают быть максимально слитыми. Формируются некие отношения между разделенными теперь институтами. Именно теперь формируются основы церковного судопроизводства. Отметим, что главным агентом влияния на формирующуюся в российском государстве ось церковь-власть была Византийская империя. По такому же типу, конечно, с определенными национальными особенностями и начала строиться система на территории Руси. Началось первоначальное, не закрепленное официально разделение на территориальные единицы (будущие епархии) с назначаемыми церковными иерархами, со своей юрисдикцией. Как отмечает М. Одинцов: «Все руководящие должности в Церкви предоставлялись выходцам из привилегированных сословий. На момент Крещения Руси действующее гражданское право ещё не вышло за рамки обычного народного права, в отличие от детально проработанного римского права, поэтому обычаи первоначально и формировали быт славяно-русских племён»¹.

Как уже было сказано выше, Византия играла определяющую роль, а значит Российское государство явилось преемницей и законодательных правовых институтов империи, Византийские законы просто постепенно ассимилировались и заполнялись немножко иными смыслами, согласно национальным особенностям. В это же время формируется церковный

¹ Одинцов М. И. Государство и церковь в России. XX век. М., 1994. С. 56.

феодализм (так же по типу и примеру Византии). Церковь получала власть и контроль при помощи увеличения объема земель. Если же говорить о судопроизводстве, то регулировала она: «Все отношения гражданской жизни общества, которые касались семейных прав, наследства, взаимоотношений детей и родителей, нравственности, религии, а также свои спорные дела»¹. В итоге на данном этапе слившаяся до этого в фигуре вождя светская и духовная власть вновь разделяется, у князя остается своя зона ответственности, но церковная зона ответственности расширяется пропорционально увеличению количества владельческой земли, а так же распространению и укреплению христианской веры на новых территориях в пределах Руси. Спустя некоторое время мы видим окончательное разделение светской и духовной власти.

Период «симфонии властей» Церкви и государства (XV – XVII века).

На этом этапе активно идет процесс укрупнения, появляются центростремительные тенденции, всё собирается вокруг Москвы. В таких условиях центру очень хочется укрепить свою власть, не придумав ничего лучше, чем взять религию и веру себе в помощники. Достигается некий паритет между властью церкви и властью государя (князя). П.В. Верховской рассуждает так: «...определённая самобытность традиционной власти патриарха, при тождественности целей Церкви и государства, формирует двоевластие (диархию) царя и патриарха, распространившееся в одинаковой степени на всё государство»².

Мы видим как постепенно общество приходит к необходимости выделить отдельно несколько ветвей власти, которые бы укрепляя и калибруя друг друга помогали ещё лучшему функционированию общественных отношений и государства в целом. Все три классические ветви власти, законодательная и, исполнительная и судебная были представлены в полной мере. Рассмотрим, какие общественные институты и органы за что

¹Карташева А В Указ соч – С . 142-143.

²Верховский П.В. Сущность и характер церковной власти. – Сергиев Посад, 1916. С 20.

отвечали. Тема настоящего исследования говорит о том, что начать следует с законодательной власти, он осуществлялся через функционирование таких органов как вселенский собор и поместный собор. Именно они разрабатывали ту духовную основу, свод правил и запретов, которыми руководствовались люди. Именно от них шел вектор и поток символов, догматов. Нужно отметить, что согласно воззрениям того времени некоторые сферы общественной жизни и правда регулировались только нормами духовного (церковного) права, никому даже в голову не могло придти пригласить в эту область государственников. А поскольку церковная жизнь была максимально интегрирована в жизнь повседневную мы получаем проникновение её почти во все дела и мысли отдельно-взятого человека, а значит и в государственный аппарат и в экономику. Что уж говорить про сугубо церковные вещи вроде порядка богослужений, годового круга праздников, вопросов учения, догматики, эмоционально-личностной сферы.

Если говорить об исполнительной власти, то е главой в каждой отдельно-взятой епархии являлся епископ: «Осуществление исполнительно-церковной власти возлагалось на духовные управления, которые одновременно заключали в себе и административные и судебные полномочия, т.е. представляли судебный уровень духовной власти»¹. В 1448 Русская Православная Церковь провозгласила автокефалию, это не могло не сказаться на укреплении авторитета как самого церковного института, так и отдельных отраслей. В 1589 году учреждается патриаршество на Руси и патриарх занимает четвертое место в мире после константинопольского и других. Все это влияет на авторитет Русской Православной Церкви, как внутри страны, среди жителей и представителей государственного аппарата, так и на международной арене.

Важно, что именно в этот период и возникнет такое популярное понятие, как «симфония светской и духовной власти». Многие исследователи

¹Варьяс М Ю. Краткий курс церковного права: Учебное пособие / М Ю. Варьяс – М. МЗ Пресс, 2001. С. 65-66.

указывают на то (и мы склонны согласиться с этими утверждениями), что менталитет русского народа предполагает наличие некой «государственной религии», которая носила бы объединяющий характер, но не просто обслуживала бы духовные потребности населения, но и являлась основой управления государством. Т.е. мера доверия церкви и духовному руководству в среде русского народа была (да и остается) весьма велика. Поэтому историк П.Н. Дозорцев в своей монографии о светской государственности столько внимания уделяет Церковной истории и этой самой «симфонии властей». Автор утверждает, что «Церковь выступает как связующее звено для страны в целом, являясь единой духовной монархией, в которой, как бы мы не желали абстрагироваться, духовные начала господствуют над всеми светскими устоями»¹.

К XVII веку кризис церковного феодализма проходит свой пик и мы видим, что из сферы управления она постепенно переходит к тесному взаимодействию с дворянским сословием, встраивается в государственную систему, как важнейшая, огромная и могущественная структура, тем не менее потерявшая свою былую самостоятельность. По словам некоторых авторов, она превращается в богатый и даже роскошный, но один из многочисленных «Московских приказов», встает под управление царя и крупных чиновников.

Если мы возьмем XVI – XVII вв., то именно в это время такой орган, как Церковный собор не носил автономного характера, у них не было возможности принимать обсуждаемые решения окончательно и бесповоротно сразу же на своих заседаниях. Независимость их была весьма условной. Свобода их заканчивалась там, где начиналась власть государя, ибо о каждом своем решении собор обязан был сообщать ему, ища одобрения и поддержки. Да, право совещательного голоса у соборов, безусловно, было, собор и царь в народном сознании как бы переплетались

¹Дозорцев П.Н. Развитие светской государственности в России: история и современность / П.Н. Дозорцев -СПб., 2001.С. 132.

между собой, создавая ту самую «симфонию», нераздельность. Таким образом, в период собирания русских земель и укрепления государственности, власть светская и власть существовали отдельно друг от друга, но в теснейшей неразрывной связи. «Царь возглавлял светскую власть, а Патриарх – духовную, формируя своеобразную дихотомную систему взаимодействия в области судопроизводства»¹.

Период огосударствления Церкви (XVIII век – 1918 год). Отправной точкой этого этапа являются петровские реформы, после них всё, что связано с взаимоотношениями государства и церкви, в том числе по вопросам судопроизводства, называется «синодальным периодом», «синодальным взаимодействием». По плану Пётра I церковное управление должно было полностью перейти в ведение государства. Как пишет С.Л. Фирсов: «Русский царь являлся Верховным Ктитором Православной Церкви и представлял собой главный источник духовной власти и авторитета. А заменивший Патриарха Синод стал не только духовным органом, но и государственным учреждением, что, очевидно, являлось несоответствующим церковным канонам»².

По словам Н.М. Никольского: «Происходит подавление традиций формальными законами, ограничивавшими возможность регулятивного воздействия на общество»³. На словах провозглашалось равенство, но начинают приниматься законы, ставящие под сомнения теорию о «симфонии властей». После публикации «Духовного регламента»⁴, стало совсем очевидно, что церковные суды встанут в прямую зависимость от судов светских и что гайки надзора за церковью продолжают закручиваться. Эта

¹Каптерев Н Ф Раскол Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович / Н Ф Каптерев – М СпасоПреображенский Валаамский Ставропигиальный монастырь, Православный, 1996 – С 124

²С.Л. Фирсов // Религия и гражданское общество: проблема толерантности. Материалы Круглого стола (16 ноября 2002). – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. – С. 54-58.

³Никольский Н.М. История русской церкви: Монография / Н М Никольский. – М. Политиздат, 1988 – С. 188.

⁴Духовный регламент // Сборник памятников по истории церковного права преимущественно Русской церкви до эпохи Петра Великого. – Пг., 1915.

история с постепенным лишением прав, с тем, чтобы на церковь опереться, но не идти навстречу в момент кризисов (1918 год и попытка создать собор) сохранялся вплоть до 1917 года, коим заканчивается хронологический рубеж данного исследования. Мы видим из источников и многочисленной литературы, как изменяется постепенно регулирование церковно-судебной системы. А. В. Карташов пишет, что: «Приоритет светской власти над духовной не вызывал никаких сомнений и проявлялся во всех сторонах жизнедеятельности государства: и в судебной, и в законодательной, и в исполнительной, Церковь являлась практически государственным органом, который структурно и функционально повторял схему аппарата государства»¹. Н.С.Троицкий идет в своих рассуждениях ещё дальше, говоря, что: «Церковь, являясь структурным подразделением в государстве, была достаточно сильным орудием влияния на общественное сознание граждан, поэтому государственная власть сдерживала её, являясь при ней а) высшей законодательной; б) высшей административной; в) высшей судебной властью...»².

Взаимоотношения Церкви и государства претерпели трансформацию с проведением в 30-50-е годы XIX столетия довольно важных реформ. Проведены они были под руководством сменивших друг друга обер-прокуроров синода С.Д. Нечаева (1833- 1836 гг.) и Н.А. Протасова (1836-1855 гг.). Синод по итогам этих преобразований окончательно утратил возможность контролировать финансы Церкви, приобрел вид министерства и разделился на множество мелких департаментов. При рассмотрении основных событий XVII – первой половины XIX века во взаимоотношениях светской и духовной власти можно привести слова современного исследователя С.И. Алексева: «Внешне Всероссийская Православная Церковь была единой и сильной организацией, но по существу находилась в

¹Карташев А. В. Указ.соч. – С. 34.

²Троицкий Н.С. Отношение государства к Церкви по воззрениям наиболее видных наших писателей и общественных деятелей / Н.С. Троицкий. – М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1909. – С. 60

зжатом положении (в том числе и в области суда), а с введением синодальных основ в управлении, подчиняющих Церковь светскому государственному аппарату, она полностью лишалась самостоятельного голоса в обществе»¹.

Принятые Александром II Судебные Уставы 1864 года² внесли в законодательство ряд изменений, затронувшись по касательной (а на самом деле весьма серьёзно) и церковно-судебную систему. Произошло четкое разделение судебных и административных органов, вышли такие документы, как «Учреждение судебных установлений», «Устав уголовного судопроизводства», «Устав гражданского судопроизводства», «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями»³.

Святейшему Синоду уже в продолжении 1864 года предписывалось пересмотреть осуществление судопроизводства по духовным делам, чтобы церковная система правосудия вписывалась в рамки государственной. Отметим, что в основном, вся религиозная часть общества, а особенно церковные иерархи воспринимали предложения о реорганизации негативно, что представляется возможным проследить в «Мнениях преосвященных Епархиальных архиереев относительно проекта преобразования духовно-судебной части»⁴. Одним из самых ярких критиков нововведений был архиепископ Виленский Алексей (А.Ф. Лавров-Платонов)⁵. Он не соглашался с отменой юрисдикции церковного суда в отношении светских лиц, а так же переработкой и трансформацией церковных структур. Особенно его, как архиерея, задевало переукладывание полномочий от глав епархии на

¹Алексеева С.И. Синод в системе высших и центральных государственных учреждений Российской Империи (1856-1904 гг.) Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук / СИ. Алексеева -СПб., 1997.-С. 292-293.

²Судебные Уставы 1864 года – М.: Типография Правительствующаго Сената, 1864 -454 с

³История России XIX – начала XX века Учебник / Под ред В А Федорова – М Издательство ЗЕРЦАЛО, 1998 – С 232

⁴Мнения преосвященных Епархиальных архиереев относительно проекта преобразования духовно-судебной части. Т. 1. – СПб , 1874; и Т.2. – СПб., 1878.

⁵Архиепископ Виленский Алексей (А.Ф. Лавров-Платонов). Предполагаемая реформа церковного суда. Издание 1 и 2-е / Архиепископ Виленский Алексей. – СПб.: Типография Ф.С. Сущинского, 1873-1874 – 177 С.

выборный суд из клириков. В это же время активно выражал свою позицию относительно реформ И.С. Бердников, предлагая: «Освободить консистории от судебных полномочий и ввести низшую церковно-судебную инстанцию – Совет благочинных»¹. Я. Бартев стоял на средних позициях и, хотя, отмечал и провозглашал очевидные недостатки церковной судебной системы до преобразований, всё же склонялся к тому, чтобы «преобразования в этой сфере шли с большим учетом традиционного уклада. В целом, он выступал за единение законодательной базы государства и церкви, но согласившись с содержанием, выступал за иную форму перестройки этой базы»².

Анализируя работы и мнения историков, а так же исторические источники, можно увидеть насколько противоречивыми были мнения и насколько острой реакция на проводимые реформы. Шли они по времени крайне долго и целью имели поменять саму структуру ведомства духовных дел. Сначала публикуется Устав Духовных Консисторий³ 1841 и 1883 годов (подробнее об этих документах мы будем говорить в параграфах ниже). Устав выступал как регламент и справочник, к которому можно было обращаться для сверки действий, когда непонятно было как поступить. Вокруг устава крутилась деятельность всех региональных епархиальных управлений. Если говорить о структуре, то он состоял из 364 статей, которые составляли четыре раздела. Разберем каждый по-отдельности. Сначала шли т.н. общие положения, где в целом говорилось о том что такое консистория, какие у неё цели и задачи, обосновывались правовые основы функционирования и правовой статус, там же встречаем информацию про церковный суд. Второй раздел полностью посвящен догматическим основам православной веры и роли, которую необходимо играть консистории, чтобы веру эту в стране поддерживать и укреплять. Здесь же изложены основные

¹Бердников И.С. К вопросу о реформе епархиального управления и суда / И.С. Бердников. – Казань Центральная типография, 1906. -249 С.;

²Бартев Я. Мнение по вопросу о духовно-судебной реформе / Я. Бартев. – СПб.: Типолитография.

³ Устав Духовных Консисторий 1841 года – СПб" Синодальная Типография, 1843.

понятия религиозной жизни и обрядности. Затронуты темы богослужебного устава, церковного строительства и архитектуры, благотворительного служения и экономического хозяйства. Третий раздел представляет для данной работы наибольший интерес, здесь раскрываются понятия церковного суда, полностью представлен регламент проведения судебных епархиальных заседаний как над духовными так и над светскими лицами.

В четвертом разделе мы находим объяснение структуры и функционала самой консистории, речь идет о наборе штата, о должностных обязанностях всех сотрудников, регламент действий. Даны основы делопроизводства.

Нам кажется, что принятие этих уставов самым благотворным образом сказалось на работе епархиального управления в целом, ведь многие вопросы, остававшиеся в ведении каждого отдельного епархиального учреждения теперь получили четкую огранку, авторитет консисторий возрос, они стали действительно важным звеном в цепочке государственно церковных и общественно – церковных отношений. Как отмечали историки Церкви, «секретари консисторских канцелярий были на практике «местными обер-прокурорами», так как могли опротестовать любое решение Епархиального Архиерея»¹.

В начале XX века мы видим очень серьезный всплеск споров и дискуссий о свободе вероисповеданий, дискуссии эти носили как сугубо церковный, так и вполне светский характер. Конечно, существовало государственно-предопределенное мнение большинства, согласно которому у России нет проблем со свободой религиозных взглядов, сторонники этой точки зрения не хотели ничего менять. Однако на другом полюсе было либеральное православное духовенство, либеральная интеллигенция. Начинается брожение в периодической печати, становится ясно, что реформу церкви все ждут, даже светская интеллигенция выжидательно замерла.

¹Огнев А. И. На пороге реформ русской церкви и духовенства. – СПб Государственная типография, 1907 – С . 4.

Далее события разворачивались следующим образом: «В начале 1905 года по инициативе премьер-министра С. Ю. Витте на Особом совещании Комитета Министров был поднят вопрос о необходимости реформ. 22 марта 1905 года состоялось заседание Святейшего Синода, на котором решено было созвать для избрания патриарха Всероссийский Духовный собор, упразднить должность обер-прокурора Святейшего Синода. 31 марта 1905 года Император дал отрицательное разъяснение по поводу созыва Собора. Уже к началу 1908 года дебаты по церковным вопросам и реформам практически полностью прекращаются»¹.

Россия начала XX века несла на себе отпечаток кризисов в самых разных сферах. Не обошли эти явления стороной и религиозную ниву, мы видим неэффективность старой системы, кризис традиционалистской концепции православия. Плюс – на другом полюсе возникли очень привлекательные леворадикальные идеи, приверженцев которых можно было встретить даже среди священства. В этих меняющихся и кризисных условиях государство стремилось ещё больше подчинить себе церковь, чтобы опереться на неё, как на тот самый «оплот самодержавия». Попытки преобразований, которые действительно могли решить вопросы некоторых церковных кризисов не получили должного развития, Всероссийский духовный собор так и не был созван (лишь в 1918 году, уже после революции). По сути все изменения в сфере духовного судопроизводства оказались поверхностными и не получили развития. Становилось очевидно, что нельзя одновременно использовать на полном серьёзе и светский и церковный закон. Рассматривая государственно-церковные отношения этого периода, мы можем пребывать в некотором недоумении относительно их характера и итогов к 1917 году. Очень хорошо об этой двойственности высказался А.В. Карташев: «Синодальный период – парадокс русской

¹Неволин А. Церковь и государство (история правовых отношений). М.: Изд-во Сретенского монастыря, 1997. С.378.

истории, сочетающий контраст отсталых политических форм и наивысших достижений в области культурного творчества»¹.

Подводя итог, необходимо заметить, что судебные реформы, которые государство претворяло в жизнь на протяжении более 50 лет (при попытке затронуть максимальное правовое поле), совершенно не предусматривало подстройку или изменение духовного законодательства. Дополнялись и пересматривались законы о церковных судах в большой спешке, что приводило к большому количеству «недоразумений» и сложных ситуации в практическом судопроизводстве. К моменту революционного переворота 1917 года что-то в этой сфере удалось поправить, однако большинство проблем так и остались нерешенными, а деятельность церковных судов просто-напросто упразднилась, обретя лишь декоративный характер в рамках религиозной практики верующих.

1.2. Эволюция системы административных и церковно-судебных епархиальных структур, сложившихся в России в синодальный период.

Система церковных судов не могла трансформироваться во времени иначе, чем вместе с внутрисударственной политикой, а так же с трансформацией политики национальной (и заодно конфессиональной). Петр I повелел учредить 19 губерний, к концу XVIII века их количество достигло 50 единиц. Только после «учреждения губерний» законодателям пришла в голову мысль о том, что и епархии удобнее будет считать в тех границах, в которых находятся губернские территориальные образования. Это претворилось в жизнь указом от 6 мая 1788 года, данным Святейшему Правительствующему Синоду.

На тот момент уже сложилась определенная местечковая церковно-судебная система, действующая ещё со времен Петра, включавшая (в губернском городе) духовное правление, духовный приказ, а так же

¹Карташев А. В Указ соч – С. 446

духовные правления небольшого штата в каждом уездном городе. По-сути эти правления были самой маленькой единицей судебной системы, однако именно на них ложился основной документооборот и основная нагрузка по разбору мелких дел (а мелких дел, конечно же, было гораздо больше, чем крупных). Им необходимо было принимать все входящие документы, иски, жалобы и проч. Обычно это были дела о небольших проступках или спорах священника с паствой или спора между светскими людьми, где были примешаны духовные законы или духовная составляющая. Канцелярия Духовного Правления, помимо судей, о которых речь пойдет выше, содержала канцеляриста, копииста и пищика. В штате правлений находились обычно двое судей (альтернативное их название судебные управители). И, очень важным считалось, чтобы главным судьей при правлении оказался обязательно архимандрит или игумен из местного монастыря. Второй судья имел скорее декоративную функцию, являлся обычно выходцем из духовенства, обязательно белого духовенства и получил прозвание «сущий». Над этими должностными лицами стоял напрямую патриарший приказ, синодальная канцелярия и московская синодальная контора. Эти два судьи подчинялись Духовной Консистории, которые существовали в качестве специальных присутственных мест при Епархиальных Архиереях.

Епархиальный архиерей должен был контролировать клириков и настоятелей монастырей, всю их пастырскую деятельность и не только её, чтобы судебные разбирательства с участием священства происходили как можно реже.

Следующей иерархической ступенькой управления были благочинные, стоявшие во главе благочиний (церковных округов, чаще всего совпадающих с уездами), на их плечах лежал надзор за всеми клириками на местах, они давали прямые отчеты архиерею с регулярностью как минимум в месяц. Рассказывали о состоянии дел на приходах и старались блюсти морально-нравственный облик священства, а руководствовались они специальной инструкцией. Уже в «Духовном регламенте» упоминалось об этой их

функции: «нарочно определенные к тому Благочинные, как духовные фискалы должны были насматривать и епископу доносить о проявлении, под виною извержения, кто бы утаить похотел»¹. «Инструкция благочинным приходских церквей», утверждённая Синодом в 1775 году, принадлежала Архиепископу Московский Платону (Левшину)². В обязанности благочинных, согласно этому документу осуществляли пастырский и отеческий надзор за церквями, находящимися в пределах округа. Благочинные имели право улаживать некоторые споры, возникающие между клириками, между клириками и мирянами. Они являлись рупором архиерейской власти, распространяли распоряжения и указы, проводили пастырские беседы и соборные богослужения для всего уездного духовенства.

По словам Е.С. Матвеевой: «Благочинному принадлежало право духовного суда в делах, которые не требовали по закону формального судопроизводства и могли завершиться примирением лиц или увещеванием, внушением. Благочинный мог делать выговор священникам, а диаконам и причетникам мог определить в качестве меры прощения земные поклоны в церкви. Кроме того, он осуществлял контроль за ведением метрических книг»³.

Ранее упоминалось, что указ от 3 ноября 1799 года приводил территории епархий и территории губерний к единому виду и названию. Так же по новому законодательству определялось штатное число приходов и монастырей, за которым церковному начальству теперь необходимо было пристально и очень четко следить.

¹ Духовный регламент // Сборник памятников по истории церковного права преимущественно Русской церкви до эпохи Петра Великого. -Пг., 1915.-4. 2. Гл. «Дела епископов».

² Тихонравов Ю.В. Судебноерелиговедение. М.: Бизнес-школа, 1998. С. 125.

³ Матвеева Е.С. Особенности составления и применения метрических книг, как первичного источника регистрации половозрастной структуры и гражданского состояния населения в России / Е.С. Матвеева // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии, 2013. – № 3 (20). – С . 22-30.

Интересные сведения находим у А.Р. Павлушкова, он делает вывод о том, что: «Определение штатной численности спровоцировало рост правонарушений в среде духовенства. Выведенное за штаты духовенство приписывалось в податное население. Многие из тех, кто остался за штатами, пускались в бега и формировали армию потенциальных правонарушителей. Они вынуждены были искать источники пропитания, формально не раскрывая себя»¹. На этом этапе церковно-судебная система приобретает центростремительные тенденции, многие духовные правления на местах упраздняются (сохраняются только в крупных уездных городах), а совсем их отменяют новым уставом духовных консисторий от 1841 года². На первый план в качестве органов суда и административной власти в лоне православной церкви выходят Духовные консистории.

Работа консисторий претерпела некоторые структурные и качественные изменения. Остановимся немного на каждом из них. Во-первых, весьма четким стал правовой статус клириков и церковнослужителей, с разграничением каждой отдельной должности и образа действий, описывался функционал и обязанности. Во-вторых, четко разграничились векторы работы самих духовных консисторий, больше не было путаницы и тумана в том кто когда и как должен осуществлять те или иные действия внутри церковного управления. В-третьих, церковный суд так же стал регламентированной структурой с гораздо более понятным чем раньше перечнем юрисдикционных нарративов. Важно отметить, что в уставах, наконец, отразились процессуальные особенности, с которыми могли столкнуться чиновники и судьи. Определялись отношения и порядок действий в случае конфликтов между всеми возможными участниками этих

¹ Павлушков А.Р. Особенности формирования церковной юрисдикции в области уголовно-исполнительной политики XVIII—XIX вв. / А.Р. Павлушков // Вестник института- преступление, наказание, исправление -2 0 1 3 . – № 2 (2 2) . – С . 76.

² Устав Духовных Консисто́рш от 27 марта 1841 года (с формами) – СПб Синодальная Типография, 1843 – С 115

конфликтов. Не говоря уже о полном спектре случаев применения тех или иных мер к тем или иным проступкам.

Кризисные явления приходской жизни назревали в Российской империи очень давно, а реформирование прихода являлось для церкви, пожалуй, самым насущным, обычно на один приход в России приходилось от ста до пятисот хозяйств (речь идет о центральной России), это была небольшая органично встроенная в общую систему, часть епархии с вполне определенными функциями. Обращаясь к статистике мы видим, что с середины XIX века наблюдается рост населения в стране, вместе с этими показателями растет и количество рукополагаемого духовенства, а так же рост численности людей, занятых на религиозных должностях (в храмах, монастырях, епархиальных структурах. Обращаясь к статистике: «Число священников за данный период увеличилось с 34 935 до 38 852 человек (на 11,2%), дьяков – с 13 704 до 14 965 (на 9,2%), причетников – с 63 655 до 66 159 (на 3,9%). В целом общее количество духовенства возросло по России с 113 852 до 121 172, или на 6,4%, в то время как численность православной паствы стала больше на 15,7%. Таким образом, прирост православного населения за 1850-1858 годы выявил увеличение белого духовенства примерно в 2,5 раза»¹.

Смотря на эти данные невольно задаешься вопросом, как бы использовать показатели роста на благо и церкви и государства? Именно таким вопросом и задались государственные и церковные чиновники, подумав, что наступил идеальный момент для начала реформ приходской жизни в частности, а значит, и церковной структуры в целом. Так возникла так называемая «Комиссия по делам православного духовенства». Что же собой представляла эта комиссия? Синодальные органы в союзе с государством всерьез задумались об укрупнении приходов, нужно было снизить их число, соединив несколько населенных пунктов в одну аггломерацию по церковному принципу. Храмы, которые переставали быть

¹ Всеподданнейший отчет по ведомству православного исповедания за 1884-1901 гг.-СПб

приходом с приходским советом и полным набором персонала, становились приписными и несли лишь богослужебную функцию, там не нужно было проводить регулярных служб, а население в основном направлялось в храм, ставший «центральным». Главным итогом такого преобразования должен был стать повысившийся материальный и духовный статус настоятеля и служащих клириков, церковнослужителей. Руководствуясь принципом «лучше меньше да лучше», в каждой губернии эти комиссии выработали свои проекты, предложив различные формы организации новой системы, а так жесткое видение хода проведения реформы.

Из статистических данных того времени видно сокращение числа и приходов и служащих клириков: «Уже с 1869 года и уже к 1884 году сократилась почти на 24%. Число священников сократилось на 3,7% (с 38 852 до 37 412 человек), причетников – на 32,1% (с 66 159 до 44 890), дьяконов – чуть ли не в 2 раза – на 44,6% (с 14 965 до 8294), число протоиереев даже возросло на 33,5% (с 1198 до 1621)»¹. Однако, уже в 1885 году включается задний ход всем этим нововведениям. Мы не знаем чем руководствовались законодатели, меняя положение дел в обратную сторону, но приходы снова стали дробиться на более мелкие, туда потребовались новые священники, запустились обратные тенденции. Возможно последствием таких непоследовательных реформ, которые больше похожи на толчение воды в ступе и оказалась полная дезориентация и кризис церковной структуры ко времени первой и второй русской революции. Приведем опять немного статистики: «С 1884 по 1913 год количество протоиереев возросло с 1621 до 3043 человек – в 1,9 раза; священников – с 37 412 до 47 403 чел. – в 1,3; дьяконов – с 8294 до 14 868 – в 1,8; число причетников изменилось незначительно – с 44 890 до 45 656 человек»².

¹ Извлечения из отчёта обер-прокурора Святейшего Синода за 1852, 1853, 1866 гг – СПб , 1853, 1854, 1867; Всеподданнейший отчёт по ведомству православного исповедания за 1884-1901 гг – С П б ,1885-1905.

² Преображенский И. Отечественная церковь по статистическим данным с 1840-41 по 1890-91 гг. – СПб , 1897. – С. 19, 34

Данные выше дают представление о глобальных изменениях в численности духовенства, да и в целом о поступательных изменениях. Снизилась доля церковнослужителей и персонала храмов (самых храмов стало меньше), однако увеличилось число клириков в сане иерея и протоиерея. Всё это привело к укреплению монолитности духовенства. При этом, по словам М.И. Левицкой: «количественные показатели пастырей по сравнению числом с православного населения неуклонно снижались. Это было следствием модернизационных процессов, сопряженных с секуляризационной составляющей, и роли государственного регулирования»¹.

Отдельно хотелось бы остановиться на реформах светской судебной системы и их влияния на реформирование системы церковных судов. На первый взгляд кардинальные перемены в первом случае и полное игнорирование второй важной проблемы может вызывать недоумение. Довольно скоро судебная практика столкнулась со множеством нестыковок и недоразумений, поэтому все силы были брошены на устранение ошибок и невнимательности.

Получается, что проведённая судебная реформа 1864 года продолжила влиять на текущее положение вещей не только в светском но и в церковном законодательстве, Возникло множество споров и дискуссий, прецедентов. Если мы взглянем на последовательность выхода уставов духовных консисторий, то увидим, сколь многое изменилось. Изменяется круг подсудности для духовенства, однако лучше употребить здесь слово «усложнился», ведь, например, в ст. 374 было указано: «Лица духовного состояния в одних случаях, закреплённых в Уставе Духовных Консисторий, подлежали церковному суду, а в других случаях судились в общих судебных местах»². Несколько десятилетий в духовных консисториях, губернских

¹Лавицкая М.И. Правовое положение духовного сословия в России в XIX – начале XX века / М.И. Лавицкая // Вестник ТГУ, выпуск 8 (76) – 2009 – С. 335-343.

² Цит. По: Виленский Б.В. Судебная реформа и контрреформы в России. Саратов, 1969. С. 145.

управлениях, в полиции приходилось решать спорные вопросы, ситуация улучшилась сразу, как только был утвержден, одобрен и опубликован Устав Духовных Консисторий 1883 года¹.

Что же предлагал устав 1883 года? Согласно нему как только до судебной системы (светской) доходила информация об обвинении клирика в совершении какого либо преступления (независимо от тяжести), следователи должны были незамедлительно начать расследование, но в тот же момент ставили в известность о его начале высшее церковное управление Епархии. Таким образом предварительное следствие и сбор материалов, улик, показаний и проч., который раньше производился в консисторских стенах, теперь полностью перекочевали в светскую юрисдикцию.

Хотелось бы сказать несколько слов и о положении духовенства внутри государственной системы. Законодательный статус духовенства был определен в 1832 году и был отменен лишь в годы революции вместе с отменой всех сословий декретом Советской власти. Состояние это было если не привелегированное, то очень обособленно-стоящее в разрезе всех остальных сословий. У духовных лиц была своя классификация и система управления, не будем забывать и про иерархическую структуру внутри сообщества священно и церковнослужителей, про разделение на белое и черное духовенство, каждое из которых имело в своем составе ещё ряд разветвленных классификаций, потом систему наград от матери-церкви, помогающих подниматься по карьерной лестнице.

По словам П. Забелина: «Принадлежность к духовенству обязательно связывалась со службой в Ведомстве православного исповедания, во главе которого стоял Святейший Синод. С 1 января 1868 года отменялось прежнее разделение епархий на классы в связи с принятием мнения Государственного Совета о новых штатах архиерейских домов и кафедральных соборов, с

¹ Устав Духовных Консисторий 1883 года (с формами). – СПб : Синодальная Типография, 1912. С. 203.

соответствующим расписанием о содержании причтов соборов и расходах на церковную прислугу»¹.

22 мая 1867 года вышел закон о новом порядке принятия на должности в епархиальные органы управления и в церковную структуру в целом, даже в духовное звание (т.е. в священники). Больше нельзя было устроиться работать в церковь только потому что отец, мать или другой родственник уже работали там когда-то. Велась проверка подобных случаев, если имеет место употребить здесь слово «собеседование», то да, новые кандидаты на церковную службу теперь проходили ряд серьёзных собеседований. Что касается конкретно священства, то тут законодатели пошли ещё дальше и в 1869 году разрешили детям священнических семей «выходить из сословия». И если до этого рождение в священнической семье предопределяло род занятий в будущем на 99 процентов, то теперь дети духовных лиц не обязаны были больше идти в семинарию или духовное училище, получив право выбирать профессию по зову сердца, а не по социальной принадлежности. Государство делало ставку на то, что мы получим грамотное священство и сможем ему что-то делегировать в будущем.

Теперь пару слов хочется сказать о распределении обязанностей между ведомствами в духовной консистории, а в частности в церковном суде. По уставу 1883 года (во второй главе «О ведомстве епархиального суда») упоминается, что в осуществлении судебной деятельности нужно руководствоваться всеми документами, принятыми в ходе судебной реформы 1864 года (там был принят ряд судебных уставов по разным отраслям права). Итак, необходимо было распределить функции между кабинетами духовного ведомства, чтобы не возникало путаницы по процессу судопроизводства. Вообще, на тот момент действовало в церковном поле две основные категории людей – это клирики (священнослужители всех мастей) и миряне (светские обычные люди, приходящие в храм для удовлетворения духовной

¹ Забелин П. Права и обязанности пресвитеров по основным законам христианской церкви и по церковным уставам. 1,2,3. СПб., 1899. С. 324.

потребности, а так же работники храмов, не облеченные в сан). Вот к ним и могли применяться судебные меры церковного суда. Сразу оговоримся, что процедура суда в отношении клирика и в отношении мирянина очень сильно отличалась со стороны церкви. Получается, что это становится основным отличием церковной судебной системы от государственной. Для государства все – подданные империи, даже не смотря на укоренившийся в сознании сословный строй все действия системы направлены на то, чтобы уравнивать приходящих перед правосудием.

В юридической и административной документации есть ещё одно разделение людей в церковной среде, здесь речь идет именно о людях, занятых на службе в храме. Итак, мы видим облеченных в священный сан (черное и белое духовенство) – это священнослужители, ещё есть просто работники храма, которые тоже иногда участвуют в богослужениях, но не совершают таинств – это церковнослужители. Остальных же смело можно отнести к группе «персонал», это были сторожа, пекари, лавочница, свечницы, повара и проч. К церковнослужителям они не относились, но пользовались обычно таким же уважением со стороны прихода, а со стороны государства во внимание к трудам на ниве православия даже освобождались от некоторых налогов и необходимости проходить службу в армии.

«По разъяснениям Правительствующего Сената, которые вышли в виде кассационных решений за № 181, 238, 256 1867 года и № 800 1869 года, духовными лицами не могли быть те, кого обвиняли в оскорблении чести и подвергали наказанию по определению Епархиального начальства»¹.

В этих положениях было много интересных особенностей. Так, псаломщик или дьякон, который нарушил правила поведения в храме, но при этом без надругательства над святынями, все равно должен был быть осужден церковным судом. То же самое ждало и клириков, которые без уведомления церковного начальства решили покинуть свое место служения. Это правило распространялось как на монашествующих, так и на белое духовенство.

¹ Собрание законодательства Российской империи. Т.4. М., Наука. С. 123.

Везде мы находим фразу «подлежит осуждению», а ещё фразу «подлежит всеобщему осуждению», на наш взгляд это – разные виды наказания и каждый из них по-своему заставляет прочувствовать меру совершенного поступка.

Мы можем видеть, что запланированное сбывалось, однако, при положительных тенденциях, которые повлекло за собой снижение количества священнослужителей, не стоит забывать, что рубеж веков был крайне острым политически временем, именно тогда получила распространение увлечённость политической культурой даже среди крестьян. Малочисленный состав духовенства, с одной стороны – улучшал своё материальное положение, с другой стороны терял влияние на паству.

И как это интересно, что именно в этот исторический промежуток церковь, как никогда, становилась «служанкой самодержавия», на неё возлагались большие надежды не только как на нравственный оплот, общественный институт, несущий просветительские идеи, на духовную опору. Складывается ощущение, что именно в это время церковь становится как бы продолжением «третьего отделения», своеобразным ответвлением полицейской структуры. Ко всему прочему, уже к середине XIX века упомянутая выше законодательная неопределенность сделала возможным открыто говорить о денежных темах, о том, что не все свои доходы церковь транслирует вовне. Одним словом на свет проявилось столько недоразумений, некрасивых историй и проблем, что общественность начинала понемногу проникаться недоверием как к священникам, так и к причту, так и к церковным иерархам. Всё это повлекло за собой снижение числа людей, посещающих храмы (не забудем присоединить сюда укрупнение прихода, там, где раньше стоял действующий храм, теперь приходилось запрягать телегу или идти пешком до соседних деревень, улиц и проч). Политическая обстановка накаляла ситуацию больше и больше с каждым годом. Мы видим, что не смотря на попытки реформирования, церковные структуры все больше и больше отделялись от народа,

приобретали особый статус далеко не в лучшем смысле этого слова. Церковь становилась декоративной, атавистической структурой, функции которой с каждым годом все больше уходили в сферу государственного регулирования, нежели духовного окормления. Обилие отчетности, необходимость ведения множества метрических книг, написания рапортов, не самые лучшие материальные условия большинства священников – всё это приводило взаимному охлаждению народа и церкви. Нигде тенденции развития отдельных общественных институтов не прослеживаются так ярко и четко, как на примере конкретных территориальных образований. Именно поэтому в настоящей работе большой упор будет сделан на рассмотрение церковно-судебной системы Владимирской епархии, совпадавшей по своим границам с Владимирской губернией.

ГЛАВА II. ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЦЕРКОВНО-СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ ВЛАДИМИРСКОЙ ЕПАРХИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

2.1 Владимирская Епархия второй половины XIX- начала XX вв. в системе государственно-церковных отношений.

2 марта 1778 г. императрица издала указ об образовании в составе Российской империи новой административно-территориальной единицы – Владимирской губернии, которая объединила несколько провинций губернии Московской – Владимирскую, Суздальскую, Юрьев-Польскую и часть Переславль-Залесской. Текст звучал так: «...Приводя разделение епархий по возможности в сообразность с настоящим разделением губерний, повелеваем: Владимирскому епископу именоваться Суздальским и Владимирским, иметь пребывание своё в Суждале, и епархию его будет составлять уже вся Владимирская губерния...»¹. Епископом Владимирским с 22 сентября 1783 года был Виктор (Онисимов), он же и получил этот новый титул. 3 ноября 1799 года выходит указ о том, что территории губерний должны соответствовать территориям епархий. Эти изменения напрямую касались и Владимирской епархии. На основании данного указа она, вместо Суздальской и Владимирской, стала именоваться Владимирской и Суздальской, а епископ Онисим второй раз за пребывание на епархиальной кафедре изменил свой титул.

Православная энциклопедия дает нам такие сведения о Владимирской епархии: «Владими́ро-Сузда́льская епархия, созданная еще в начале XIII в., принадлежит к древнейшим церковно-административным образованиям РПЦ. Формирование территории Владимирской епархии шло на протяжении 1740-1780-х гг., в это время неоднократно менялось ее наименование и титул

¹ Цит. По: С.Н. Минин. Очерки по истории Владимирской епархии X-XX вв. – Владимир, 2004. С. 6.

правлящего архиерея. По указу Екатерины II от 6 мая 1786 г. границы Владимирской епархии были приведены в соответствие с границами Владимирской губернии»¹. Там же, чуть ниже мы находим сведения о последних изменениях состава территории: «В 1916 году Владимирская и Суздальская епархия стала именоваться Владимирской и Шуйской. Это переименование было вызвано не изменением границ, а учреждением Суздальского викариатства»². (всего на территории Владимирской губернии в рассматриваемый промежуток времени находилось 3 викариатства – Муромское, Юрьевское и Суздальское). С.н. Минин в своем труде по истории владимирской епархии замечает: «Именно титул «архиепископ Владимирский и Шуйский» носил последний владимирский владыка синодального периода Алексей (Дородницын). Что же касается определенных еще в конце XVIII в. территориальных границ епархии, то они, в основном, сохранились до конца Синодального периода и соответствовали территории Владимирской губернии»³.

По количеству монастырей Владимирская епархия занимала третье место, в начале XX столетия уступая лишь Московской (47 монастырей) и Новгородской (40 монастырей) епархиям. У нас имеются сведения по монастырям и на 1914 год, по ним постриженных в монашество насчитывалось всего по губернии 630 человек, а послушников 2694 человека⁴. «Среди других епархий Владимирская выделялась и количеством храмов. К 1905 г. Здесь насчитывалось 1299 церквей, 741 часовен и молитвенных домов, что ставило ее на один уровень с такими епархиями, как Московская, Новгородская, Киевская, Подольская»⁵.

¹Маштафаров А.В. Владимирская и Суздальская епархия //Православная энциклопедия: Т.10. М., 2005. С.46.

²Там же. С. 47.

³ С.Н. Минин. Очерки по истории Владимирской епархии X-XX вв. – Владимир, 2004.С.7.

⁴Всеподданнейший отчет Обер-прокурора Святейшего Синода за 1914 г. Пг., 1916. Прил. 1—2, 3, 9, 10. С. 4—7, 24—27.

⁵Федоров В.А. Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период (1700-1917). М., 2003. С.16.

По данным на конец 1915 года на одну Православную Церковь приходилось во Владимирской губернии 1196 человек¹, это число говорит нам о том, какова была степень взаимодействия церкви и паствы. Как видим, теоретически этот показатель довольно высок (среди всех епархий изучаемая занимает 15 место, и это при том, что количество храмов на этой земле традиционно было велико). Существуют так же очень интересные данные, позволяющие говорить о т.н. «радиусе среднестатистического прихода по губернии, это величина, характеризующая удаленность (компактность) проживания паствы от церкви, а если центр круга — храм, то радиус показывает, на каком расстоянии от церкви проживали миряне, относящиеся к данному приходу. Здесь на каждые 37 квадратных километров приходился один храм, а радиус равен 3,5 километрам»².

«К 1905 г. Духовенство Владимирской епархии составляли 64 протоиерея, 1193 священника, 454 диакона, 1130 псаломщиков, а лиц Православного исповедания насчитывалось всего около 1, 5 млн. человек»³. По сведениям же на 1914 года лиц Православного исповедания 1625020 человек, данные по священству так же говорят о приросте: 81 протоиерей, 1220 священников, 432 диакона, 1175 псаломщиков.

Итак, при ежегодном росте числа храмов и монастырей создавалось впечатление о полной независимости и самостоятельности Церкви, её силе и непререкаемом первенстве. Однако давно и прочно первое место в управлении церковными делами занимало государство и бюрократический аппарат.

Рассмотрим подробнее систему взаимоотношений государства и церковной организации на территории Владимирской епархии. Но для начала отметим, что: «Приоритет государственной власти над церковной был

¹ Следственное дело патриарха Тихона. М., Памятники исторической мысли, 2000. С. 421-423.

² Там же с. 426-427.

³ Всеподданнейшие отчеты Обер-прокурора Святейшего Синода (1905-1907). СПб., 1910. Приложение 1. С. 4. С. 7.

закреплен Соборным уложением 1649 г., определившим статус Православия как государственной религии. Менее чем через сто лет было устранено патриаршество и создан Святейший Правительствующий Синод, возглавляемый царским чиновником – обер-прокурором, был так же издан «Духовный регламент», определивший права, обязанности и привилегии русского духовенства»¹. Синод носил коллегиальный характер и выступал посредником между властью и народом, обер-прокурор же был прямым представителем самодержавной власти в церковном управлении, осуществлявшим надзор за деятельностью Синода². На каждом из таких заседаний обязательно должен был присутствовать обер-прокурор, который имел практически неограниченные права вмешательства в церковные дела. В частности в его юрисдикции была приостановка решений синода, право совещательного голоса и вынесения любых решений на личное обсуждение с государем. И конечно, в ведении обер-прокурора находилась синодальная канцелярия, ему подчинялись секретари духовных консисторий, в которых сосредотачивались все нити епархиального управления, он так же влиял на назначение и перемещение иерархов по кафедрам.

В течение рассматриваемого нами периода на Владимирской кафедре сменилось 4 архиерея. Архиепископ Сергей (Спасский), занимавший кафедру с 1892 по 1904 гг., архиепископ Никон (Софийский) – с 1904 по 1906 гг., архиепископ Николай (Налимов) (1906-1914 гг.), а так же архиепископ Алексей (Дородницын), ставший последним архиереем Владимирской епархии синодального периода и управлявший ею с 1914 по 1917 гг.

По происхождению все они являлись выходцами из семей священников, однако среди них не было ни одного местного уроженца. Во владимирских епархиальных ведомостях находим: «Архиепископы Сергей (Спасский) и Никон (Софийский) происходили из среды духовенства Костромской губернии, архиепископ Николай (Налимов), был сыном священника Санкт-

¹ Грекулов Е.Ф. Церковь, самодержавие, народ. М.: Наука, 1969. С. 24.

² Всеподданнейшие отчеты Обер-прокурора Святейшего Синода (1905-1907). СПб., 1910. Приложение 1. С. 23.

Петербургской епархии, а архиепископ Алексей (Дородницын) родился и вырос в Екатеринославской губернии»¹. «Самым молодым епископом в возрасте 37-ми лет стал Никон (Софийский), самым же старшим по времени принятия архиерейского сана являлся епископ Сергей (Спасский): его хиротония состоялась в 52 года»². «Архиепископ Сергей (Спасский) был выпускником Киевской духовной академии, Никон (Софийский) и Николай (Налимов) закончили Санкт-Петербургскую духовную академию, а Алексей (Дородницын) обучался в академии в Москве»³.

«Владимирская епархия стала последней в архиерейском служении для Преосвященных Сергия (Спасского), Николая (Налимова) и Алексия (Дородницына), именно здесь они закончили свой земной путь и похоронены в стенах Успенского кафедрального собора»⁴. «Немаловажное место Владимирская епархия занимала в биографии экзарха Грузии Никона (Софийского). Сначала почти 7 лет (1891 -1898гг.) архимандрит Никон служил ректором Владимирской семинарии, а затем уже в 1904 г. Из санкт-петербургских викариев был назначен епископом во Владимир. В качестве архиерея во Владимире епископ Никон прослужил всего полтора года. Грузия стала последним местом служения владыки Никона: 28 мая 1908 г. он погиб от рук националистов»⁵.

«Свои административные и судебные функции архиерей осуществлял при помощи духовной консистории, члены которой, лица духовного звания, избирались самим правящим архиереем и утверждались Синодом»⁶.

¹ ВЕВ. 1906. № 28. С.16 – 17.

² История иерархии Русской Православной Церкви. Комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 г. / Сост. М. Е. Губонин, П. Н. Грюнберг, Ф. А. Гайдар др. М., 2006. С. 324.

³ Голостенов М. Е. Алексей (Дородницын) // Политические деятели России 1917 г. Биографический словарь. М., 1993. С. 16

⁴ Автореф. Дисс. Фролова Э.В. Деятельность архиереев и духовной консистории в системе епархиального управления Русской Православной Церкви. Иваново, 2010. С. 98

⁵ ВЕВ. 1908. № 24 с. 1-7.

⁶ Крывелев И.А. Русская Православная Церковь в первой четверти XX века. – М., 1982. С.72.

«Начало Владимирской духовной консистории было положено в апреле 1748г. Именно тогда Синод предписал отослать из Московской консистории во Владимир все, дела, касающиеся новой епархии, и направить туда необходимое количество канцелярских служителей»¹. Составными частями консистории было присутствие (там заседало духовенство) и канцелярия (там заседали светские чиновники).

Члены присутствия назначались архиереем с санкции синода (все документы проходили через него) менялись достаточно редко, т.к. убрать их из состава этого совета составляло большого труда (нужно было писать самому патриарху). В состав присутствия могли войти клирики любого сана, от диаконского до митрополичьего. Присутствие духовной консистории назначалось правящим архиереем и утверждалось Святейшим Синодом

Мы располагаем данными за 1915 г. по которым «присутствие Владимирской духовной Консистории состояло из 6 лиц: протоиереев М. А. Сперанского, В. Г. Фролова, Э. В. Боголюбова, А. В. Беляева, И. М. Взорова, В. Г. Валединского и М. С. Беляева»².

Теперь немного нужно сказать о фигуре секретаря. «Секретарь консистории назначался Синодом по представлению обер-прокурора. Формально он находился под начальством епархиального владыки, но в то же время состоял в ведении обер-прокурора, следил исполнением постановлений по духовному ведомству на местах, а заодно и за деятельностью самого архиерея»³.

«Двойная подчиненность секретаря консистории, когда он, с одной стороны, находился под ближайшим начальством архиерея, а с другой, непосредственно подчинялся обер – прокурору Синода, создавала немало конфликтных ситуаций, которые разрешались только после рассмотрения

¹ Фролова Э.В. Деятельность архиереев и духовной консистории в системе епархиального управления Русской Православной Церкви. Иваново, 2010. С. 126.

² ГАВО. Ф. 566 Оп. 1. Д. 4795. Л. 13; Д.4850. Л.66.

³ Полный Православный богословский энциклопедический словарь. Т. 1. – М., 1992. С.310-311.

дела в Святейшем Синоде»¹. Однако во Владимире, как мы можем заключить из переработанных источников ничего такого не было, отношения оставались ровными и даже теплыми на протяжении многих лет «Между ними не было отмечено каких-либо конфликтов»².

Говоря про персонал, можно упомянуть что в конце рассматриваемого периода на должности секретаря консистории находился надворный советник А. В. Гроздов, заступивший на службу в 1898 году. «Первый опыт канцелярской работы он приобрел в Синоде, куда был определен сразу же после окончания университета. Из синодальной канцелярии Гроздов в 1886г. занял должность секретаря Таврической духовной консистории, в которой состоял 12 лет»³. «Секретарем Владимирской духовной консистории коллежский советник А. В. Гроздов состоял до 1917 г. и стал последним начальником ее канцелярии. За время службы во Владимире он был удостоен двух орденов – св. Анны 3 – й степени, а затем 2 й степени. Кроме исполнения обязанностей секретаря консистории Гроздов вел еще общественную деятельность. Так, с 14 марта 1899 г. он являлся действительным членом Владимирской ученой архивной комиссии»⁴. Как секретарь консистории Гроздов участвовал во всех значимых событиях владимирской епархиальной жизни.

К концу XIX – началу XX века было только две епархии, обгоняющие Владимирскую по числу храмов на квадратный метр, Владимиро-Суздальская епархия, по-прежнему, оставалась одной из самых крупных в РПЦ. По сравнению с серединой XIX в., внутри ее, естественно, произошли некоторые качественные и количественные изменения. «Увеличилось общее количество монастырей: с 26 в 1845 г. до 33 в 1905 г. При этом число

¹ О таких делах: Надеждин К. Ф. История Владимирской духовной семинарии (с 1750 года по 1840год). – Владимир, 1875. С.29-30.

² Фролова Э.В. Деятельность архиереев и духовной консистории в системе епархиального управления Русской Православной Церкви. – Иваново, 2010. С. 59

³ ГАВО. Ф.556. Оп.1. Д.3333. Л.4-10.

⁴ Отчет о деятельности Владимирской ученой архивной комиссии // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Кн. 10. – Владимир, 1908. С.32.

мужских обителей сократилось на 3, а женских возросло на 10. К 1905 г. в мужской обители в среднем проживало около 34 иноков и послушников, а в женской – около-140 насельниц. Многонаселенность женских монастырей объясняется резким увеличением в них числа послушниц — до 2 017 (на одну монахиню в среднем приходилось 6 послушниц)»¹.

Такой подъем притока в монастыри новых насельников и насельниц может быть объяснен с двух точек зрения. Первая из них состоит в общем подъеме религиозности под влиянием того, что на тот момент стало много прозорливых. Этот подъем затронул лишь крестьянское сословие. Вторая причина – это отмена крепостного права, которая буквально разрешила всем крестьянам делать, что они хотят, если это желание идти в монастырь – нужно выплатить все, что причитается и можно поступить в монастырь. Особенно актуально это было для женщин, которые никогда не отличались простой судьбой и легкой жизнью, особенно в крестьянском сословии и поэтому их поиски (весьма узкие) вели в близлежащие монастыри.

«Мы располагаем данными за 1905 год здесь насчитывалось 1 299 церквей, 741 часовен и молитвенных домов, что ставило ее на один уровень с такими епархиями, как Московская, Новгородская, Киевская, Подольская. По количеству монастырей Владимиро-Суздальская епархия в начале XX столетия уступала лишь Московской (47 монастырей) и Новгородской (40 монастырей) епархиям. Для сравнения в соседних Костромской, Рязанской, Нижегородской и Ярославской епархиях тогда насчитывалось соответственно 20, 20, 25, 23 обителей»².

¹Всепопданейший отчет Обер-прокурора Св. Синода по ведомству Православного исповедания за 1905-1907 гг. СПб., 1910. Приложение 1. С.4.

² Федоров В. А. Русская православная церковь и государство. Синодальный период (1700-1917). М., 2003. С.16.

2.2. Особенности церковно-судебной практики по делам духовных и светских лиц во Владимирской епархии второй половины XIX – начала XX века, основные проблемы.

Попытки привести к общему знаменателю светское и церковное судебное законодательство приобрели стройный вид лишь к самому концу XIX века. Мы видим изменение стиля и более четкие формулировки, каждый законопроект стал сопровождаться введением, появились комментарии и разъясняется понятийный аппарат. Упущений поначалу было так много, что потребовались годы, дабы исправить хотя бы часть, так в 1983 года вышла новая редакция Устава духовных консисторий, который распространил свое влияние и на Владимирскую епархию.

По нему самые большие изменения затронули область правосудия над духовными лицами. Меняется и процедура поимки, задержания или приглашения духовного лица для проведения следствия. Для начала необходимо было выяснить все обстоятельства происшедшего и понять – есть ли состав у этого преступления или оно не носит тяжелый характер и может быть решено лишь с помощью воспитательных бесед. Тем не менее, обстоятельства дела приходилось изыскивать, а затем наступала вторая фаза, которая тоже, наконец, была четко регламентирована внутри устава. Называлась она Формальное следствие и при его проведении необходимо было собирать доказательства, вещественные улики, если они имеют место. Именно на этой стадии проводятся обыски. Не миновала эта участь и провинившихся священников. В ст. 154 Законов Судебных и Уголовных постановлялось, что «если духовное лицо обвинялось в противозаконных действиях, которые в дальнейшем подвергали его уголовному суду, то первоначальное исследование (т.е. предварительное следствие) производилось в Духовном Ведомстве при чиновнике городской или земской полиции или же наоборот, если дело не терпело отлагательств, он оказывался

в полицейском участке и допрос проводился уже при присутствии духовного следователя»¹.

Ещё пару слов скажем про духовных следователей. Каждый уезд в полиции был разделен на определенные участки и за этими участками чаще всего закреплялся свой духовный следователь, назначаемый епархиальным управлением, должность эта согласовывалась с полицией. Регламентации действий этих фигур не было вплоть до середины XIX века, затем появляются «указы с перечнем требований к судебному следователю». Там прописывался весь должностной список обязанностей, оговаривалось, что не возбраняется иметь другой доход, другую занятость, но по первому зову являться на предварительное дознание. За каждый выезд епархия выплачивала хорошую сумму, а иногда следователю нужно было уехать на несколько дней, чтобы поучаствовать в раскрытии серьезного дела, все это время он получал жалование

Чаще всего, если следователь знал работу, хорошо ориентировался и находил общий язык с полицией, на такой должности можно было работать очень долго. По определению Епархиального Начальства «всем священно- и церковнослужителям Владимирской епархии, которые были назначаемы и участвовали в формальных следствиях и дознании духовных лиц, необходимо было давать сведения о происшествии. Если сведений не поступало, то их могли наказать»².

8 июня 1860 года вышел закон об отделении от полиции производства по преступлениям и проступкам, подлежащим рассмотрению судебных мест. На основании «Учреждения судебных следователей»³, «Наказа этим чиновникам» и «Наказа полиции» производство следствий по уголовным делам, подлежащим рассмотрению судебных мест, возложено на судебных следователей. Полиции предоставлялось лишь производство дознания, заключавшееся в собирании сведений, необходимых для удостоверения в

¹ Устав уголовного и гражданского судопроизводства. Ст. 154

² ВЕВ № 48 от 5 декабря 1899 года – С 1924

³ ВЕВ № 11 от 1 июня 1866 года – С 604

том, что происшедшее действительно было и что оно соединено с преступлением или проступком.

При этом первоначальное исследование или, как оно именуется в полиции дознание, по-прежнему должно производиться в Духовном Ведомстве при полицейском чиновнике. Однако, если духовные лица подлежали суду уголовных мест, то дело должно было производиться судебными следователями. При этом необходимо было соблюдение правила, по которому допрос и всё следствие производились при следователе духовном.

Попробуем восстановить один такой эпизод: это протокол обыска, проводившегося во Владимирской духовной семинарии в комнатах семинаристов при духовном следователе. 21 января 1908 года в донесении владимирскому полицмейстеру жандармское управление сообщает: «Обнаружены, кроме всего прочего, отчеты Владимирской семинарской российской социально демократической партии, устав Владимирской семинарской социально-демократической партии, печатные воззвания программы и устав крестьянского союза»¹.

Процедура задержания лица в священном сане значительно усложнялась, т.к. даже если клирик совершил серьезный проступок, задержать его могли только лишь после того, как будет получена бумага из консистории. Это распоряжение духовной консистории распространялось как на гражданские так и на уголовные дела. Так, в декабре 1907 года от полицейского урядника г. Муром Расторгуева духовная консистория получила рапорт: «У псаломщика Клинкова имеются какие-то листки нелегальной литературы, которые передал ему один учитель из Владимира, попросив распространить среди прихожан и по возможности учителей»².

В Консистории выносили постановление о предании обвиняемого суду, а также выносили запрет обвиняемому в ведении священнослужения, если он

¹ ГАВО Ф. 704 Оп. 1 д. 683 Л. 6.

² ГАВО Ф. 556 Оп. 3 д. 941 Л. 2.

имел сан. Этот запрет закреплялся в статье 169 Устава Духовных Консistorий: «...Духовному лицу, оговоренному в преступлении, запрещается священнослужение, смотря по обстоятельствам, какие помещены в самом оговоре, и какие открываются при следствии, и смотря по прежнему поведению подсудимого. Распоряжение об этом применяется по усмотрению местного Архиепископа, который обязан заботиться, чтобы обвиняемые в важных преступлениях против благоповедения по заповедям Божиим не приступали к служению Алтарю Господню, коль скоро есть уже достаточные причины предусматривать, что они обвиняются справедливо»¹.

Из вышесказанного пости сразу вытекает подобное послание благочинным районных церквей: «...Благочинный должен отбирать все должностные документы у тех священно- и церковнослужителей, которые находились под следствием по важным и особенно уголовным делам, предоставляя эти документы в Консistorию...»². Получается, что пока консistorия не даст отмашку и не выдаст соответствующий документ, никто не имел права преступать к следствию и суду, это была одновременно корпоративная защита (провинившиеся клирики до последнего надеялись, что их вызволят из беды).

«С 20 ноября 1864 года, после принятия Судебных уставов, в судебной практике стали проявляться некоторые несоответствия и недоразумения в вопросах о власти судебных следователей в отношении к приходским священникам. По новым основаниям все законные требования судебных следователей, производящих предварительные следствия, должны быть исполняемы без замедлений как должностными, так и частными лицами»³. При этом уровень занятости и формат этой занятости у священника и рядового крестьянина и рабочего были разными. Священник, как человек подневольный, должен был ехать причащать или соборовать или отпевать,

¹ Цит. По: Забелин П. Права и обязанности пресвитеров по основным законам христианской церкви и по церковным уставам. 1,2,3. СПб., 1899. 426 с.

² Цит. По: Там же.

³ Устав уголовного и гражданского судопроизводства. Ст. 436.

его могли вызвать к церковному начальству. Таким образом, у приходских священников «возникали одновременно два неотложных требования (со стороны судебного следователя и обязанностей службы) при невозможности заменить себя в последнем случае другим лицом, что было в сельских приходах не редкостью»¹.

Итак в новом Указе от 5 апреля 1881 года было прописано, что главным надзирающим за отсутствием смуты и беспорядка лицом в епархии лицом становился архиерей. Он должен был довольно жестко, с помощью указов регламентировать поведение подчиненных священников и постоянно осуществлять проверки. А при обнаружении клирика, который вот вот согрешит или совершит проступок, а может быть уже совершил – архиерей занимается увещанием, применяет наказание и подталкивает к исправлению всеми возможными способами. При отсутствии посылка к исправлению – клирик запрещался в священнослужении или увольнялся с должности.

Так, благочинный Муромского округа от 3 февраля 1908 пишет в своем рапорте о буйном поведении молодого псаломщика во время литургии с нанесением повреждений прихожанам: «Эпизод этот объясняю молодым возрастом и доверчивым отношением к мужам, вербующим в свои революционные сети неопытных, легко увлекавшихся юношей»². Еще одним примером надзора за причтом является случай, известный так же по рапорту благочинного Ковровского уезда, когда диакона Ивана Покровского «после испытательного периода, допустили к исправлению причетнической должности, но затем, на видя исправления, совсем извергли из сана с запретом служить. Семейству же его, попавшему в бедственное положение было предоставлено пользование землей и половиной частью его денежных и хлебных доходов, а другую половину доходов предоставили в

¹ ВЕВ. № 8 от 15 апреля 1877 года. – С. 147-152.

² ГАВО Ф. 556 Оп. 1 д. 4687 Л. 7.

распоряжение другому причетнику, таким образом, и действовала система постепенного наказания виновного»¹.

Что же делал благочинный для поддержания дисциплины и предотвращения духовных проступков? Ежегодно он составлял статистический и описательный отчет о поведении клириков благочиния, о том как идут дела на приходах. При каких-либо намеках на серьёзное нарушение со стороны клирика – благочинный писал обращение к архиерею с самым доскональным описанием события, указанием свидетелей и показаний всех сторон, задействованных в деле. Если же благочинный утаивал проступки – он подвергался наказанию по 71 правилу Василия Великого. То же самое ждало его, если кто-то доложит архиерею о непотребном поведении клирика, относящегося к благочинию, предписывалось тщательнее следить за дисциплиной, проводить беседы о вреде пьянства и рукоприкладства. На благочинного ложилось довольно серьёзное бремя ответственности.

Одним из серьёзных поводов к проступкам священников во Владимирской епархии было их бедственное положение. Им оставалось жить только за счет прихожан, иногда доходя в своём стремлении заработать до прямого вымогательства. Так, жители села Полиносово Александровского района написали коллективную жалобу на своего священника: «Если помер кто, то коли денег нет, должен много дней лежать не погребенным, пока не внесешь плату, а ещё если венчание то нужно сперва заплатить долги своей семьи по приходно-расходным книгам, а потом уж венчаться»². Жители села Парша Юрьевского уезда, указывая даже стоимость треб, пишут архиерею: «за венчание с мужчин 11 рублей, с женщин своего прихода 4 рубля, другого прихода 5 рублей, похороны взрослого 3 рубля, ребенка 70 копеек, кроме того 1 мера с каждого дома ржи»³. «Священник наш берет платы за требы непомерные, но их не совершает, за крещение взял, ребенок до сих пор не

¹ ГАВО Ф. 556 Оп.1 д. 4483

² ГАВО. ф.556. оп.1 д.4598 Л. 3.

³ ГАВО. ф.556 оп.1 д.4461 Л.5.

крещен, взял плату за много молебнов, а по сей день совершил только один»¹ – обращение жителей с. Малиновка Судогодского района. Таких писем и коллективных жалоб мы можем найти великое множество. Духовное начальство, конечно, наказывало за такую самодеятельность, но ограничивалось выговором или простой объяснительной с обещанием поборы прекратить.

При отказе от исполнения обязанностей или при недобросовестном исполнении, благочинного увольняли, сразу же находили замену, могли сослать в далекий приход. Если сами выбранные Благочинные оказывались «мало способными»,

то их увольняли или заменяли более достойными. А если они были замечены в неверности надзора или злоупотреблениях, то их отстраняли от должности и наказывали по мере вины. Так, в фонде владимирской духовной консистории, когда благочинный Юрьевского уезда был отстранен от должности, поскольку вовремя не сообщил о происшествии в с. Юрково, где по донесению прихожан архиерею: «10 февраля 1907 года во время браковенчания собравшаяся в церкви молодежь вела себя непристойно и позволила себе петь марсельезу, а священник церкви всячески их покрывал и участвовал в буйстве»². Из рапорта (бывшего уже) благочинного мы узнаем, что виновный: «разъяснения по этому вопросу дать не желает, да и дела до взятия разъяснений не доходит ввиду занятости»³.

Монашествующие по церковным законам являлись отдельной категорией, а значит и правила к ним применялись особые, наказание монаха отличалось от наказания священника и уж тем более мирянина в серьезную сторону. «На основании видения Правительствующего Сената от 11 мая 1866 года № 27383 и по высочайше утвержденному мнению Государственного Совета запрещалось послушникам монастырей, которых исключили из духовного звания за дурное поведение, проживать и

¹ ГАВО. ф.556 оп 1 д.4717 Л.2.

² ГАВО. Ф. 556 Оп. 1 д. 4708 Л.5.

³ Там же. Л.6.

приписываться к той местности, где находился монастырь. На основании этих мнений было включено дополнение в статью 282 Устава о предупреждении и пресечении преступлений. Священнослужители имели право произносить проповеди, которые обличали вредные идеи, проникшие в общество и которые бы не противоречили основной концепции государственного устройства, но при этом подобного рода проповеди предварительно должны были просматриваться лично Преосвященными»¹.

Церковь должна была раскрывать понятие веры и благочестия для всех слоев населения, особенно в эти тяжелые периоды, когда увеличивалось число ложных учений, стремящихся покорить юных лиц. Для того чтобы представители епархий и местных церквей могли осознавать угрозу церковного суда, на VI Вселенском Соборе постановили руководящее правило о катихизических поучениях пастырей к прихожанам. В связи с участвовавшими случаями правонарушений в среде духовных лиц во второй половине XIX века в Святейшем Синоде неоднократно поднимались вопросы о недостатке просвещения православной паствы. Многие именовались православными, а пребывали в состоянии духовного неведения, не могли объяснить, во что веруют, не знали необходимых молитв.

Очень многие священники из-за неграмотности или лени или из-за тяжелой жизни не вникали в священное писание, в те слова, которые они произносят за богослужением, они могли быть подвержены ересям и приметам, живя в деревне. Это была прямая дорога в секты или в полное охлаждение к вере, а значит проблемы с совестью, возможно даже законом. Чтобы этого не допустить, епархиальные архиереи регулярно должны были проводить мотивационные беседы, съезды для того, чтобы оценить не склоняют ли кого-то из пастырей или паствы не на ту сторону. Проблема сектантства стояла настолько остро, что церковные и светские власти даже объединялись, чтобы искать среди жителей губернии тех, кто распространяет такие учения и тех, кто стал их жертвой.

¹ ВЕВ № 16 от 15 августа 1866 года – С 874

Во Владимирской губернии во второй половине XIX-начале XX вв. были представлены практически все наиболее известные русские секты, как мистические – христовщина (хлыстовщина), скопчество, секта субботников, так и рационалистические – секта молокан. В 1905 году священник села Чулково Александр Лебедев так описал почитание христовцами горы Городиной Муромского уезда: «Каждогодно весной, главным образом около нашего праздника Святой Троицы, они съезжаются с разных мест нашего отечества на эту гору для молитвы и поклонения месту явления и жизни основателя своей секты. Они обходят её со всех четырёх сторон и на каждой стороне подолгу и усердно молятся, приурочивая всё это главным образом к ночному времени. При этом они разбрасывают по горе деньги, принося как бы некоторую жертву своего усердия Богу Саваофу и его лжехристу»¹.

Было во Владимирской губернии и место, особо почитавшееся последователями секты скопцов, выделившейся из христовщины в последней четверти XVIII в. «В 1820 году основатель секты Кондратий Селиванов был заключён в суздальский Спасо-Евфимиев монастырь, где он и умер 19 февраля 1832 года»². «Селиванов был похоронен с восточной стороны Никольской церкви, стоявшей при монастырской тюрьме. Его могила представлявшая собой простую земляную насыпь, не была забыта скопцами. В ямки, проделанные в ней, почитатели Селиванова опускали бублики и сухари, после чего они считались освящёнными»³.

Кроме перечисленных нами, во Владимирской губернии находили своих последователей и другие, менее известные русские секты, такие как «Десное братство (Сионская весть) и «голубочники». Также были случаи возникновения на территории губернии «местных» сект. Таковою была секта Григория Босого, называвшего себя Христом, а город Иваново-Вознесенск

¹ ГАВО.Ф.526.Оп.1.Д.28.Л.16.

² ГАВО.Ф.526.Оп.1.Д.28.Л.158.

³ Панченко А.А. Христовщина и скопчество: Фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М., 2004. С. 123-124.

Новым Иерусалимом, имевшая в начале XX в. некоторое число последователей»¹.

Не избежала Владимирская губерния и «моды» на популярную в начале XX века секту иоаннитов. В 1913 г. проводилось негласное расследование по поводу обнаружения в Коврове её последователей, которых обвиняли в том, что они отвергали брачную жизнь и после молитв придавались свальному греху. Об этом мы узнаём из переписки Владимирского губернатора, начальника Владимирского Губернского Жандармского управления и Ковровского уездного исправника. В результате расследования выяснились следующие факты. «Ковровские иоанниты собирались в домах Грабкина и Трошина, где совершали молитвы. Во время совершения молитвы они сначала читали акафист Спасителю и Божьей Матери, а потом и Иоанну Кронштадскому: «Ты наш батюшка, ходил по земле с нами, ты наш род и семейство знаешь, спаси всё наше семейство и всех жителей г. Коврова». Фотографии о.Иоанна они держали на божницах, вместе с иконами, и верили, что в его образе Бог вновь явился на землю. Однако ничего предосудительного в их нравственной жизни обнаружено не было. Результатом расследования стало письмо губернатора архиепископу Владимирскому и Суздальскому, в котором он информировался о существовании секты иоаннитов в его епархии»².

Так же отдельно следует сказать о той переписке, которую епархиальный архиерей вел лично с губернатором по поводу дел, относящихся к судопроизводству. Часто речь в них шла о политических вопросах. Так, имеется обращение губернатора на имя правящего архиерея от 22 февраля 1910 г.: «Члены отдела союза партии русских Православных людей выразили желание совершить молебствование о здравии Государя Императора, но местный священник Павел Колоколов отказал в просьбе

¹ Там же. С. 125.

² ГУВО «ГАВО». Ф.14. Оп.10.Д.479.

говоря «некогда заниматься такими пустяками, уходите»¹. И ещё: «В Шуйском соборе протоиерей Павел Светозаров отказался служить молебен об Императоре Николае». Или еще: «В январе 1909 г. крестьянин Егор Ладанов в чайной публично выражал бранные и оскорбительные слова в адрес Государя Императора, Ладанова арестовали, а местный священник заступился за крамольника, постарался освободить его»², далее следует просьба добиться справедливого наказания для клирика вплоть до заключения. Та же информация известна о священнике села Алферьева Шуйского уезда Алексее Сперанском, 14 августа 1906 г. губернатор пишет архиерею: «Довожу до вашего сведения, что по имеющейся у меня информации в царский день 30 июля Сперанский не от служил установленный молебен о здравии Его Императорского Величества»³. Следствием таких писем становилось обычно церковно-судебное разбирательство с обратным докладом губернатору о результатах. Какие же меры наказания применялись к провинившимся в церковном суде? Существовали общие наказания (их получал светский человек за нарушение церковных устоев), здесь могли обойтись епитимьей или отлучением от причастия, а вот специальные наказания это то, что претворялось в жизнь, если преступление совершил человек облеченный в сан. Он мог нарушить должностные инструкции, просто некрасиво себя повести, причинить вред своей пастве или отдельным ее представителям. «Особое место в системе пенитенциарных учреждений дореволюционной России занимали монастыри, использовавшиеся в качестве мест лишения свободы для наказания и исправления преступников, а также содержания лиц, опасных для государственного порядка»⁴. Очень серьезно церковь относилась к религиозным правонарушениям в стиле богохульства, они будто бы являлись

¹ ГАВО Ф. 556 Оп. 1 д. 4782 Л. 1

² ГАВО Ф. 556 Оп. 1 д. 4782 Л.4-5.

³ ГАВО Ф. 556 Оп. 1 д.4594 Л. 3.

⁴Пругавин А.С. Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством. (К вопросу о веротерпимости) /А.С. Пругавин. – М . : «Посредник», Серия «Для интеллигентных читателей», 1905. – С.5

«посягательствами на самого Бога и наказывались крайне строго. В силу того, что понятие «пенитенциарный» происходит от латинских терминов «poenitentia» – раскаяние и «poenitentianus», обозначающий покаянный и исправительный»¹, получалось, что целью таких заключений должно было стать исправление.

Использование монастырей в качестве тюрем – это византийская традиция, хорошо прижившаяся у нас, но все же к концу XX века начавшая утрачивать силу. В монастырь могли сослать за любое преступление, как и тюрьмы, они специализировались на определенных видах заключенных. Иногда наказание длилось всего несколько месяцев, а в особо тяжких случаях – могло назначаться и пожизненное заключение без права переписки. XX века в истории России монастыри использовались в качестве постоянных тюрем, в которых лица отбывали общие и особенные наказания. Ссылка в монастырь назначалась в зависимости от тяжести правонарушения на срок от нескольких месяцев до пожизненного содержания без права общения и переписки, именно поэтому и не оставалось каких-либо воспоминаний самих заключенных.

Монастырские тюрьмы в XVIII-XIX веках входили в пенитенциарную систему России, со своими особыми условиями содержания, особым режимом и распорядком, при этом обычно ссылка в монастырь сопровождалась насильственным постригом в монашество. «На территории Владимирской епархии находился один из самых известных во всей России монастырь, выполнявший функцию государственной тюрьмы. Речь идет о Спасо-Ефимьевом монастыре г. Суздаля. Его тюремная архитектура вполне удовлетворяла интересам безопасности, надзора, тюремного воспитания и была оснащена специальными одиночными тюремными кельями, которые служили местом для политической и церковной ссылки»².

¹ Новейший словарь иностранных слов и выражений. – Мн :Харвест, – М.: ООО «Издательство АСТ», 2001 – С . 616.

²Пругавин А.С. Монастырские тюрьмы / А.С. Пругавин // Право. – 1903. – № 7. – С. 440.

«Заключение в монастырь долгое время считалось наиболее суровым наказанием, т.к. были очень тяжелые условия содержания, не всегда указывались сроки заточения. Наиболее часто лица без уточнения имён и фамилий направлялись с формулировкой «навечно», при этом соблюдалась полная изоляция человека и от сторонних светских лиц, и от охраны, и от служителей монастыря. При этом многие авторы отмечали большой процент смертности и помешательств среди заключённых по сравнению со свободным населением»¹.

Чем ближе приближался рубеж веков, тем меньше светских лиц заточали в монастыри, этот вид наказания перестал быть выгодным, а во многом он перестал казаться и церкви и государству этичным. Появился целый ряд исследований о том, что исправиться в монастыре, если ты заточен туда за административное правонарушение и имеешь семью или дело, какую-то профессию, которая тебя кормит – невозможно. Т.к. происходит либо моральное разложение (вплоть до сумасшествия) либо человек приучается к заведенному порядку и уже не может потом влиться обратно в социум, а ведь именно адаптация к обычной жизни и есть одна из важнейших функций системы наказаний².

По отчётным ведомостям, представленным в Святейший Синод от Епархиальных Преосвященных «за 1864, 1865, 1864 годы число людей светского звания, которые содержались в монастырях, значилось в следующем количестве: в 1864 году – 266 лиц, в 1865 году – 212 лиц, в 1866 181 году – 193 лица. При этом необходимо также принять во внимание, что монастырскому заключению кроме людей светского звания подвергались и духовные лица, а их в монастырях ежегодно фиксировалось около 900 человек. К примеру, с 1855 года по 1859 год включительно духовных лиц мужского пола содержалось в монастырях 4480 человек, из которых более 3300 – за нетрезвость, буйство и вообще неблагопристойное поведение. В

¹ Суворов Н.С. О церковных наказаниях. Опыт исследования по церковному праву. СПб., 1876. С. 98.

²

этот же период лиц женского пола духовного звания содержалось в монастырях только 37 человек»¹.

Особая тема для рассмотрения – это духовное образование, ведь среди молодежи и учащихся училищ и семинарии очень велика вероятность каких либо проступков. Здесь очень большую роль играла система сдерживания и мотивации, превентивных мер. Инспекторам и воспитателям училищ и семинарий предписывалось воспитывать в учениках нравственность, хорошие душевные качества, а так же наставлять молодых людей своим собственным примером.

«На территории Владимирской губернии в рассматриваемый период находилась одна духовная семинария, созданная ещё в 1750 году. Мы располагаем данными на 1901 год, по ним в семинарии насчитывалось 605 воспитанников и 23 преподавателя. Среди поступающих абсолютно преобладали дети священников, возраст их составлял от 14 до 18 лет. В целом семинарии скорее были частью государственного механизма воспроизводства духовного сословия, нежели начальным этапом обретения истины и благодати»².

Мотивом поступления в семинарии, к сожалению, были не только ценности веры. Выбор определялся ещё и земным интересом – «льгота по воинской повинности – ее получали после двух лет обучения, желание поменять и приподнять социальный статус – после окончания четырех классов они получали право на поступление в окраинные светские вузы»³. Соответственно, не все семинаристы заботились о духовном своём возрастании, молитве и всём том, что подобает христианину. «Многие заглядывались на гимназисток, начинали пить и курить, конфликтовать с

¹ Суворов Н.С. О церковных наказаниях. Опыт исследования по церковному праву. СПб., 1876. С. 112.

² Тарасова В. А. Высшая духовная школа в России в конце XIX начале XX века. История императорских Православных духовных академий. М., 2005. С. 25.

³ Леонтьева Т.Г. Православная культура и семинарский быт (конец XIX -начало XX в.) // Отечественная история. М, 2001. № 3. С. 173.

преподавателями»¹. Митрополит Евлогий вспоминал: «Пили по разному поводу: празднование именин, счастливые события, добрые вести, просто какая-нибудь удача... Старшие семинаристы устраивали попойку даже по случаю посвящения в стихарь (это называлось «омыть стихарь»)»². В работе находим ещё: «К вере и Церкви семинаристы (за некоторым исключением) относились, в общем, довольно равнодушно, а иногда и вызывающе небрежно. К обедне, ко всенощной ходили, но в задних рядах, в углу, иногда читали романы, нередко своим юным атеизмом бравировали»³. Причиной всему этому служил семинарский режим и неверная постановка учебного процесса: «В наших духовных школах не существует правильного чередования умственного труда с досугом, который уходил у нас на бездействие, атмосфера же была проникнута скрытностью, изворотливостью и пороками»⁴. Вопрос этот нередко разбирался на епархиальном уровне, но дальше обсуждений дело не шло: «Тормозом воздействия пастырей на пасомых собрание признает недостаточную постановку учебно-воспитательного дела в семинарии и училищах»⁵.

Вспомним также и о том, что материальное состояние семинаристов было в большинстве случаев бедственным. Из отчетов Общества Вспомоществования Нуждающимся воспитанникам Владимирской семинарии узнаем, что: «Более обычным является неимение одежды, обуви, а также недостаток денег для уплаты за квартиру и обучение, для поездки домой, и других нужд до чаю и сахару включительно. Были случаи и полного неимения воспитанниками средств на существование»⁶. При этом количество

¹ Тарасова В. А. Высшая духовная школа в России в конце XIX начале XX века. История императорских Православных духовных академий. М., 2005. С. 89.

² Путь моей жизни: Воспоминания Митрополита Евлогия Георгиевского, изложенные по его рассказам Т. Манухиной.- М.,1994. С. 227.

³ Там же. С.226.

⁴ Богословский И.А. Из истории тайного кружка и подпольной библиотеки Владимирской духовной семинарии. Кострома, 1921. С. 3

⁵ ВЕВ. 1905 №24. С.32.

⁶ Отчет правления Общества вспомоществования нуждающимся воспитанникам Владимирской духовной семинарии за 1909 год (1900-1909). – Владимир: Скоропечатня И. Коиль, 1910. С. 3

прошений, по которым дано пособие год от года увеличивалось: 1901 году - 116 прошений, а в 1907 году – уже 273¹. Как и все студенчество России того периода, учащиеся Владимирской духовной семинарии были молоды, голодны, неустроены и подвержены всякого рода влияниям, в том числе и политическим. «Сравнивая старое поколение духовенства с новым, подрастающим, нельзя не заметить различия в отношении к политике, светской литературе, периодическим изданиям, такие лица встречаются исключительно среди семинаристов»². В этой же статье приводится фраза, имевшая хождение в рядах учащихся того периода: «Если бы меня спросили, так говорят иногда питомцы семинарий из духовенства, что мне дала семинария, я бы изобразил из себя огромный знак вопроса»³.

Подводя итоги, необходимо отметить, что использование большого числа архивных материалов позволило нам увидеть систему судопроизводства как бы изнутри, читая личную переписку или докладные записки по поводу различных провинностей, мы всё чаще осознавали, что существовали перегибы в обе стороны. Это означает, что тот человек, который по нормам церковного права действительно должен был быть наказан – мог иметь простой разговор с епархиальным архиереем и не отвечать за совершенное. При этом поступление даже мелкой жалобы в канцелярию духовной консистории влекло за собой серьёзное разбирательство, возможно даже с привлечением полиции и светского суда. Каждый архиерей весьма субъективно трактовал свои полномочия и нормы церковного права, поэтому нередки были случаи очень сильного смягчения и наоборот – ужесточения наказаний за провинности.

¹Отчет правления Общества вспомоществования нуждающимся воспитанникам Владимирской духовной семинарии за 1909 год (1900-1909). – Владимир: Скоропечатня И. Коиль, 1910. С. 4.

² ВЕВ. 1905 №1. С.16.

³ Там же С. 19.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Хотя в современной России понятие церковного суда над гражданскими лицами отсутствует, внутри епархий вполне себе продолжает существовать это явление, обладая определенной юрисдикцией в кругу лиц духовного звания. О возрождении данного правового института в общегосударственном масштабе речь, конечно, не идет, но мы прекрасно понимаем, что регулируемый им круг вопросов является и являлся во все времена крайне важным. И, конечно, опыт исторического исследования этой сложной многофункциональной системы может многое объяснить с точки зрения государственно-церковных отношений, религиозной сферы, а так же сферы юридической. В настоящей работе нами были рассмотрены общегосударственные тенденции, связанные с функционированием церковно-судебной системы конца XIX – начала XX века.

В ходе написания первой главы исследования нам удалось выяснить, что начало великих реформ, а именно отмена крепостного права запустила важные и серьезные процессы высвобождения людей за рамки их общины, появились профессиональные сообщества, крестьянство стало понемногу рассеиваться из деревень, больше людей стало получать образование, отходить от простой народной веры и меньше ходить в храм, а значит, круг лиц, подходивших под юрисдикцию церковного суда уменьшался с каждым годом, происходит так же разделение методов и способов воздействия на клириков и мирян.

Проводя исследование, автору хотелось в полной мере изучить феномен становления церковной судебной системы, поэтому сначала решено было погрузиться в историю взаимодействия духовной и светской власти по вопросам судопроизводства в общероссийском масштабе. В первом параграфе первой главы

Нам удалось выделить и охарактеризовать несколько этапов складывания государственно-церковных отношений в судебном поле. Эта

периодизация основана на обычаях или законах, которые менялись с течением времени, с ходом истории. Принятые нормативные правовые акты, которые полностью отражали ситуацию в стране.

-Догосударственный период (VII – IX века).

-Период перехода к единобожию, формирование оси церковь-власть (X – XV века).

-Период «симфонии властей» церковная власть заодно с государственной властью(XV – XVII века).

-Период огосударствления Церкви (Синодальный период) (XVIII век – 1918 год).

Можно сделать вывод о том, что церковь и церковная судебная система была абсолютно интегрирована в государственный аппарат, при этом интегрирована со множеством ошибок и недопонимании, до которых почти никогда у государства не доходили руки. Это порождало очень большой уровень произвола со стороны священников и мирян, совершавших именно церковно-юрисдикционные преступления или провинности. Государство явно не хотело разбираться с церковными кризисами, но совершенно точно хотело навесить на всю церковную структуру консолидирующую, идеологическую, воспитательную роль. Возможно отсюда такой большой откуп на личные решения архиерея, ведь большинство разбирательств до канцелярии и консистории даже не доходили.

Во втором параграфе мы проследили эволюцию конкретных административных и церковно-судебных епархиальных структур, процесс их трансформации к концу 19 началу 20 века в соответствии с изменением законодательства. Привлекая большое количество законодательных актов, как общегосударственного, так и местного характера, мы выявили несколько основных тенденций в развитии церковно-судебной системы:

-Централизация судебной власти, постепенно уменьшение полномочий местного церковного управления, усиление роли консисторий.

- Большой разрыв между выверенной светской судебной системой (после реформ 1864) и непропорциональной ей церковной, что вызывало многочисленные неурядицы и нестыковки, решавшиеся изменением и дополнением законодательных актов вплоть до 1917 года.

Вторая глава целиком была посвящена рассмотрению церковно-судебной системы Владимирской епархии с середины 19 до начала 20 века.

В первом параграфе, носящем описательный характер, была дана общая количественная и качественная характеристика Владимирской епархии (экономический, социальный и политический аспект), выделены основные моменты деятельности епархиального архиерея, Владимирской духовной консистории, в том числе и по вопросам церковного судопроизводства.

Второй параграф раскрывает перед нами особенности функционирования церковно-судебной системы Владимирской епархии в указанный период. Что дает нам возможность проследить все вышеописанные тенденции применительно к конкретному региону. Особое внимание уделено ухудшению материального положения священства, формированию у них революционных или антиобщественных настроений, а соответственно – усилению контроля над ними со стороны высшего церковного начальства, в т.ч. при помощи церковно-судебной системы. Рассмотрены основные виды и участники судебных дел по церковному ведомству, местные особенности судопроизводства. Отметим, что Владимирская епархия является одной из наиболее показательных и типичных в масштабе центральной России, поэтому выводы, справедливые для данной территории мы можем с некоторыми допущениями распространять и на соседние области.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

Источники

Опубликованные

1. Адрес календарь и справочная книжка Владимирской губернии.
2. Алексей (Лавров-Платонов). Предполагаемая реформа церковного суда. СПб., 1873. Т. 1-2.
3. Владимирские Губернские ведомости
4. Владимирские епархиальные ведомости
5. Труды Владимирской ученой архивной комиссии. – Владимир, 1908.
6. Иеромонах Иоасаф. Церковно-историческое и статистическое описание Владимирской епархии. Владимир, 1853; Он же. Церковно-историческое описание Владимирских достопамятностей. Владимир, 1857
7. Малицкий Н. В. Из прошлого Владимирской епархии. ВГВ. Вып. 1-3. Владимир, 1904-1912;
8. Смирнов А. В. Уроженцы и деятели Владимирской губернии. Т.1-5. Владимир, 1896-1898, 1910, 1917
9. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Вып.1-5. Владимир, 1893-1898.
10. Александров Н.А. Сборник церковно-гражданских постановлений в России, относящихся до лиц православного духовенства / Н.А. Александров. – СПб.: Типография Главного штаба его Императорского величества по военно-учебным заведениям, 1860. – 241 с.
11. Барсов Т.В. Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по ведомству церковного вероисповедания. СПб., 1885. 542 с.
12. Духовный регламент // Сборник памятников по истории церковного права преимущественно Русской церкви до эпохи Петра Великого. – Пг., 1915.

- 13.Извлечения из отчёта обер-прокурора Святейшего Синода за 1852, 1853, 1866, 1853, 1854, 1867;
- 14.Всеподданнейший отчёт по ведомству православного исповедания за 1884-1914 гг – С П б ,1885-1905.
- 15.История иерархии Русской Православной Церкви. Комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 г. / Сост. М. Е. Губонин, П. Н. Грюнберг, Ф. А. Гайдар др. М., 2006. С. 324.
- 16.Богословский А. Сборник статей судебных уставов 20 ноября 1864 года, имеющих отношение к ведомству православного исповедания. СПб., 1872. – 96 с.
- 17.Вруцевич М. Руководство для Консисторий, духовных следователей и духовенства. СПб., 1909. 347с.
- 18.Забелин П. Права и обязанности пресвитеров по основным законам христианской церкви и по церковным уставам. 1,2,3. СПб., 1899. 426 с.
- 19.Заозерский Н. Духовное лицо в звании третьейского судьи. Св.-Троицкая Сергиева Лавра, 1899. 59 с.
- 20.Митрополит Евлогий. Путь моей жизни. Воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т.Манухиной. М.: Московский рабочий, 1994. 434 с.
- 21.Нечаев П.И. Практическое руководство священнослужителей или системное изложение полного круга их обязанностей и прав. СПб., 1907. 492с.
- 22.Никитников Г. Рассуждения об епитимиях М.: Синод. Типография, 1838. 67 с.
- 23.Собрание законодательства Российской империи. Т.4. М., Наука, 540 с.
- 24.Собрание решений Правительствующего Сената. СПб., 1875. № 1. 638с.

Архивные

1. Материалы Государственного архива Владимирской области (Фонд № 556-духовная консистория)

Литература

Монографические исследования

1. Алексеева С. И. Святейший Синод в системе высших и центральных государственных учреждений пореформенной России 1856 – 1904 гг. – СПб.: Наука, 2006. – 276 с.
2. Арутюнян Г.Г. Конституционное право: Энциклопедический словарь. / Г.Г. Арутюнян. – М.: Норма, 2006. – 544 с.
3. Архиепископ Филарет. История Русской Церкви / Архиепископ Филарет. – М.: Издательство Сретенского монастыря, 2001. – 840 с.
4. Алексеев С.С. Теория права. М.: Бек, 1994. – 223 с.
5. Бабкин М.А. Священство и Царство (Россия, начало XX века - 1918 года). Исследования и материалы. – М.: ИНДРИК, 2011.- 920 с.
6. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: Учебник. 6-е изд., изм. и доп. – М.: Норма, 2007. – 784 с.
7. Бартев Я. Мнение по вопросу о духовно-судебной реформе / Я.Бартев. – СПб.: Типолитография Университетата, 1894. – 52с.
8. Белякова Е.В. Церковный суд и проблемы церковной жизни. Поместный собор 1917-1918гг. и предсоборный период. Серия:
9. Церковные реформы. М.: «Духовная Библиотека», 2004. – 664 с.
10. Борщ И.В. Русская наука церковного права в первой половине XX века: Поиск методологии – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 224 с.
11. Грекулов Е.Ф. Церковь, самодержавие, народ. М.: Наука, 1969. – 183 с.
12. Грекулов Е.Ф. Нравы русского духовенства. М., 1928. – 169с.
13. Емельях Л.И. Антиклерикальное движение крестьян период Первой русской революции. М.-Л., 1965. – 83 с.

- 14.Ефремова Н.Н. Судоустройство России в XVIII первой половине XIX века (историко-правовое исследование). М., 1993. – 276 с.
- 15.Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. Т.1 М: Терра, 1997. – 686 с.
- 16.Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. Т2 М: Терра, 1997. – 565 с.
- 17.Коротких М.Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 года в России. Воронеж, 1989. – 224 с.
- 18.Красножен М. Церковное право. Руководство для духовенства и гг. студентов. Юрьев, 1906. – 237с.
- 19.Неволин А. Церковь и государство (история правовых отношений). М.: Изд-во Сретенского монастыря, 1997. – 364 с.
- 20.Одинцов М. И. Государство и церковь в России. XX век. М., 1994. – 187с.
- 21.Способин А.Д. О разводе в России. М., 1881. – 263с.
- 22.Суворов Н.С.О церковных наказаниях. Опыт исследования по церковному праву. СПб., 1876. – 396 с.
- 23.Суворов Н.С. Объем дисциплинарного суда и юрисдикции церкви в период вселенских соборов. М., 1907. – 272 с.
- 24.Тимашев Н.С. Религиозные преступления по действующему русскому праву. Петроград, 1916. – 104 с.
- 25.Титов Ю.П. История государства и права. М., Проспект. 2000. – 492с.
- 26.Тихонравов Ю.В. Судебное религоведение. М.: Бизнес-школа, 1998. 272 с.
- 27.Церковь в истории России. М.: Наука, 1967. – 336 с.
- 28.Церковь и демократия. М.:Отчий дом,. 1996. – 125 с.
- 29.Церковь, общество и государство в Феодальной России. М.: Наука, 1990. – 352 с.
- 30.Черданцев А.Ф. Теория государства и права: Учебник / А.Ф. Черданцев – М.: Юрайт-М, 2002 – С. 51

- 31.Цыпин В. Церковное право. М., 1997. – 340 с.
- 32.Ширяев В.Н. Религиозные преступления. Историко-догматические очерки. Ярославль, 1909. 426 с.
- 33.Юркович И. Каноническое право о браке. М., 1994. 196 с.

Статьи

1. Гавриленков А.Ф. Проблемы духовной безопасности Российской Империи в XVIII – начале XX веков // Вестник Военного университета, 2009. №3 (19). С. 148-153 и др.
2. Апанасенок А.В. «Закон законом, а истинная вера одна»: из истории становления веротерпимости в провинциальной России начала XX века // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия история России. – 2009. – №1. – С 61-67.
3. Апанасенок А.В., Симоненков К.В. «Старообрядческий вопрос» в жизни предреволюционной российской провинции: 1905-1916 гг. (на материалах Курской губернии) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина.-2012.-Т. 4 . – № 3.- С. 109-118.